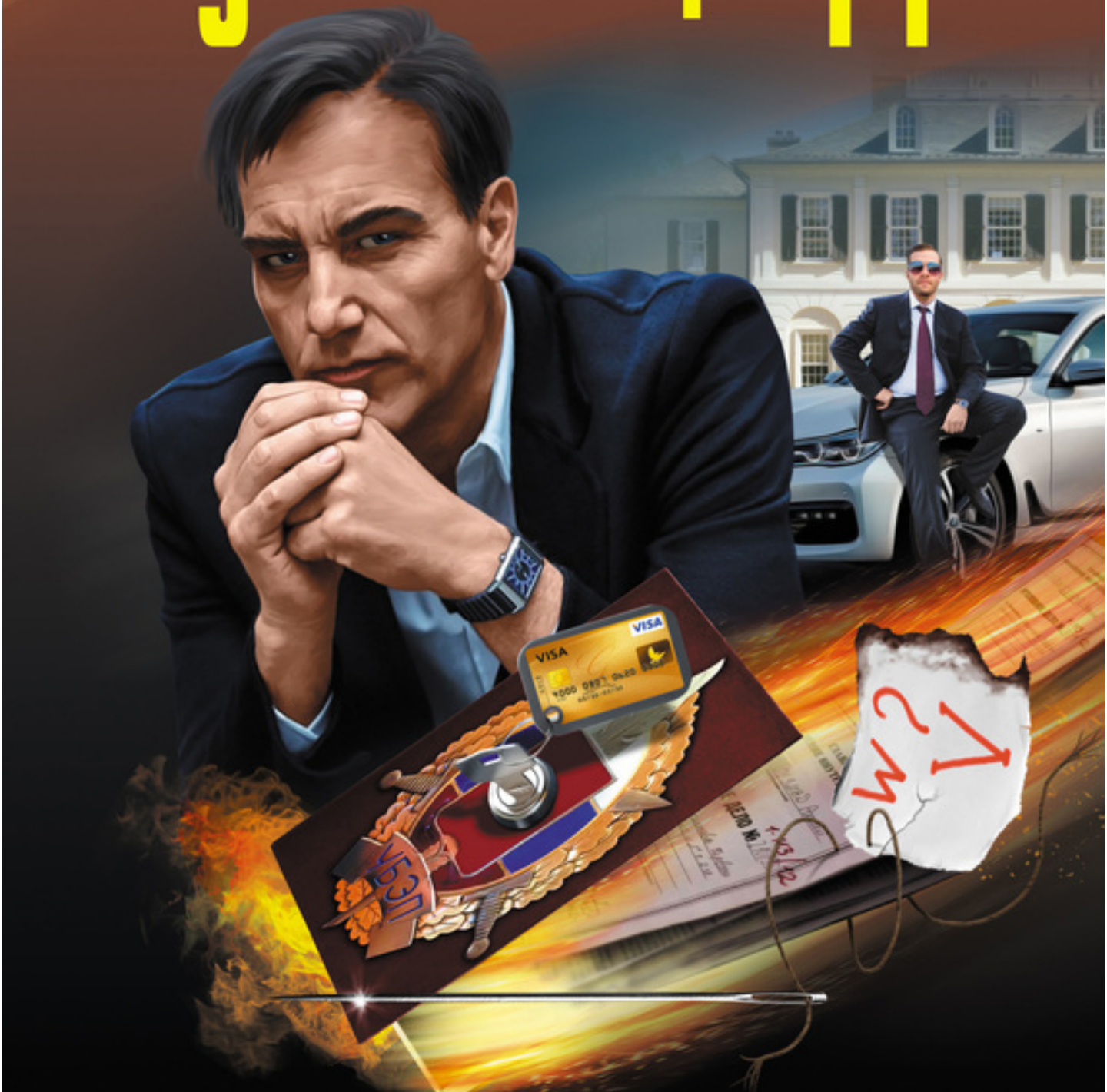
НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
Буква и цифра



Полковник Гуров

Николай Леонов

Буква и цифра (сборник)

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Буква и цифра (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2017 — (Полковник Гуров)

В подмосковном лесу обнаружен труп известного пластического хирурга Владислава Дрозинского. Картина убийства – тело завернуто в пищевую пленку и подвешено за ноги – идентична преступлению, совершенному недавно в другом месте. Как и в первый раз, на трупе снова оставлена таинственная записка. Полковники Гуров и Крячко считают, что убийцу нужно искать среди пациентов хирурга: слишком много недовольных его деятельностью появилось в последнее время. Однако расшифровка странной записки неожиданно дала подсказку, поразившую даже видавших виды сыщиков…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Буква и цифра 6
Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 25
Глава 4 34
Глава 5 43
Глава 6 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Николай Леонов, Алексей Макеев
Буква и цифра (сборник)

© Макеев А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Буква и цифра

Глава 1

Ровная накатанная дорога поднималась вверх по склону. Стройные ряды деревьев по обеим сторонам дороги создавали иллюзию оторванности от мира. Листва окрашена осенним разноцветьем – зеленый вперемежку с охряными цветами всех оттенков. И с оживлявшими пейзаж вкраплениями красного и бордового. Место, будто специально созданное для кисти художника. Бери мольберт, палитру, устраивайся на опушке и любуйся красотами. А потом переноси все это великолепие на холст. Только вот поблизости нет ни одного художника. Дорога пустынна, если не считать человека в спортивном костюме, легкой трусцой бегущего к вершине холма. Но ему не до любования окружающими красотами. Голова низко опущена, глаза видят только дорогу. Утренняя пробежка не так легка, как прежде. Короткий взгляд на вершину и снова на дорогу. Еще чуть-чуть, взобраться на холм, а там можно будет перевести дыхание. Последние месяцы не прошли бесследно. Все эти сплетни, перешептывания коллег, стоит только отвернуться.

«Черт бы подрал этих жалких писак! Черт бы их подрал!» Мысли злые, беспокойные. Избавиться бы от них раз и навсегда, но не получается, сколько ни старайся. Не помогает ни медитация, ни алкоголь. Возобновить ежедневные пробежки казалось хорошей идеей. Только вот толку от них не много. В одиночестве дурные мысли обостряются троекратно. Сверлят мозг, отдаваясь в сердце. Каждый шаг дается с трудом, не принося желанного облегчения. Шепот! Теперь это его главный враг. Он слышен во всем: в шелесте листвы, колышимой ветром, в ровном стуке подошв о грунтовку, в глухих ударах сердца. Преступник. Убийца. Преступник, убийца, преступник, убийца… Хочется остановиться, зажать уши и кричать, кричать, кричать… Почему, ну почему это случилось с ним? И почему именно сейчас, когда жизнь только-только стала налаживаться? Светлана… Взгляд, брошенный из окна автомобиля, все сказал за нее. Слова уже не потребовались. Осуждение, ужас, скорбь. О нем ли она скорбела? Вряд ли. Между ними все кончено, это бесспорно. Что бы он теперь ни сказал, что бы ни предложил, все впустую. Она не пожелает выслушать его версию, и он не вправе винить ее за это. А ведь она уже готова была возобновить отношения, вернуться к нему. И вдруг это… И сразу все рухнуло, надежда на примирение потеряна. Что ему остается? Только бежать. Вперед, не оглядываясь, пока не упадет в полном изнеможении.

Вершина холма приближалась медленно, но неуклонно. На дороге по-прежнему безлюдно. Может, попробовать избавиться от груза? Высказать все безмолвным деревьям, крича до хрипоты, до потери голоса? Все равно ведь никто не услышит. Лес пуст, некому стать невольным свидетелем его слабости. Психологи говорят, это помогает. Сейчас ему это нужно, как никогда. Еще немного, и он свихнется, доказывая самому себе, что не заслужил того, что с ним произошло. Опушка близко. Добраться до нее, упасть на траву, кататься по земле и проклинать весь мир. «Не вздумай! Ты справишься! Это не первая неудача в твоей жизни. Не раскисай, слюнтяй! Соберись! Все пройдет. Раньше проходило, и теперь пройдет. Все образуется. Будет новая Светлана. Или София. Или Лидия. Или еще кто-то. Тот, кто оценит тебя по достоинству. Через год все забудется. Ты снова будешь на коне. Только сейчас не вздумай впадать в отчаяние, не вздумай поддаваться, опускаясь до истерики!»

Бег ускорить, дыхание выровнять. Дышать глубоко и ритмично. Все мысли из головы прочь! Смотреть на мир проще. Искать положительные моменты, ведь так учил психоаналитик, за сеансы которого отданы бешеные деньги. Как он сказал? Положительных моментов масса, начни искать, и убедишься. Что ж, начнем, пожалуй. Свобода – это первое, и самое

главное. Дом – лучшее пристанище истерзанной душе. Потом небо над головой, эта дорога, солнце, легкий ветерок, приятно холодящий кожу. Деревья, равнодушные ко всему, одинаково приветливо качающие ветвями и негодяю, и праведнику. И одиночество. В какой-то степени это тоже плюс. Некому смотреть осуждающе, некому бросать камни, некому выплевывать слова презрения. Вот и вершина. Отлично! Задача выполнена, можно передохнуть.

Мужчина взбежал на холм, остановился, уперев руки в колени. Выпрямился, подставляя лицо первым солнечным лучам, не таким жарким, как в июле, но все же приятно теплым, и вдруг краем глаза уловил слева от себя движение. Благодушное настроение, на долю секунды прорвавшееся сквозь отчаяние, мгновенно улетучилось. «Началось!» – пронеслось в голове. Он резко обернулся и встретился взглядом с незнакомцем. Вид у того был жалкий. Испуганный и какой-то затравленный. Интересно, чего боится он?

– Доброе утро, мистер!

Иностранный акцент? Очень интересно. Неужели теперь им интересуется и заграничная пресса? Знаменитость мирового масштаба?

– Что вы здесь делаете? Следите за мной? – Вопрос прозвучал угрожающе.

– Ни в коем случае, – запротестовал незнакомец. – Даже и не думал следить за вами. Просто… Просто я попал в беду. Вы мне не поможете?

– В какую беду можно попасть в пустынном лесу?

– Капкан, будь он неладен, – досадливо качая головой, сообщил незнакомец. Акцент ушел, будто его и не было. Теперь в речи присутствовал легкий налет русской деревенщины. – Видимо, браконьеры поставили, а я недоглядел.

– Здесь браконьеры не водятся, – заметил человек в спортивном костюме.

– Откуда же тогда капкан?

– Понятия не имею, разве что с собой принесли, – улыбнулся мужчина.

Заулыбался и незнакомец. Свободной рукой он указал куда-то вниз и просительно произнес:

– Вы мне не поможете избавиться от этой железяки? Одному не справиться, я пробовал. Ждать помощи неоткуда. Стою тут больше часа, и вы первый человек, которого я встретил. Не откажите в любезности.

– Как вас зовут?

– Иван. А вас как величать?

– Владислав Игоревич, но ты можешь называть меня просто Влад, – приближаясь к незнакомцу, представился человек в спортивном костюме. – Как же тебя, Иван, угораздило в капкан попасть?

– Сам не знаю. Я в этих краях недавно. По грибы пошел, хотел, знаете ли, супругу побаловать. – Незнакомец продолжал держаться подчеркнуто уважительно. – Картошечка жареная и все такое. Да вот, опрофанился. Если она узнает, что со мной произошло, насмешкам конца не будет. Супруга моя – золото-женщина, но повода для насмешек ей лучше не давать. – И он снова смущенно улыбнулся.

Влад решил, что в жизни не видел настолько жалкого человека. Жалкого и безобидного.

– Ладно, не дрейфь, Иван, поможем твоему горю!

Влад приблизился к незнакомцу. Тот стоял, одной рукой упираясь в раздвоенный ствол березы, а вторая рука прижималась к земле. Из раскуроченного дерна поблескивало железо.

– И правда, капкан. Впервые такое вижу. В наших краях охотниками и не пахнет, откуда же это чудо взялось?

– Меня больше волнует, как от этого чуда избавиться, – буркнул Иван. – Пытался разжать, да одной рукой не справился, а вырвать его из земли силенок не хватило. С умом, видно, ставили. Профессионалы.

Влад осмотрел находку. Рука незнакомца не пострадала. Зажало лишь рукав куртки чуть выше кисти. Он в недоумении уставился на незнакомца:

– Ты, видно, большой шутник, Иван. Твоя рука даже не пострадала. Выдернул рукав и свободен.

– Нельзя! – испуганно выкрикнул Иван. – Куртка супругой даренная. Увидит дыру, кранты мне.

– Ты что же, так боишься жену, что готов стоять здесь сутки, лишь бы она ничего не узнала? – еще больше удивился Влад.

– А вы, полагаю, не женаты, – заметил Иван.

– Не женат.

– Оно и видно. Вот обзаведетесь супругой, по-другому заговорите. Законная жена – это вам не девки с сеновала. Тут без повода плешь проест, а повод дай, так вообще со свету сживет.

– Зачем же вы с ней живете?

– Любовь, – философски изрек Иван.

Покачав головой, Влад принялся рассматривать запирающий механизм капкана. Замок был несложный, одно усилие, и незнакомец на свободе.

– Подвинься в сторонку, береза мешает, – обходя ствол, велел он. – Я отожму замок, сниму ткань с зубцов. На счет «три» тяни руку вверх. Только не медли, пружина-то здесь нехилая, долго держать не смогу.

Влад склонился над капканом, двумя руками ухватил железные скобы, потянул в стороны. Пружина хоть и с трудом, но поддалась.

– Раз, два! – начал он отсчет.

– Три! – закончил Иван и обрушил на голову Влада булыжник.

Тот даже вскрикнуть не успел, кулем свалился к ногам незнакомца и замер.

– Так-то лучше, Владислав Игоревич. Гораздо лучше. Теперь главное – придерживаться плана. Тихо едешь – беда догонит, быстро поедешь – сам беду догонишь. Потому мы пойдем ровно посередочке. Вот сейчас перчаточки наденем, и погнали.

Из рюкзака, прислоненного к березовому стволу, появилась веревка, моток пищевой пленки. Капкан с легкостью вышел из дерна и отправился в рюкзак. Булыжник пошел туда же. Натянув перчатки, незнакомец принялся за работу. Спустя час он шагал по пролеску, насвистывая под нос нехитрую мелодию. О происшедшем в лесу он не думал. Все прошло гладко, как и должно было пройти. Второй этап завершен, адреналин зашкаливал.

– Кто сказал, что быть плохим мальчиком не весело? – вслух произнес он. – Видно, они сами никогда не делали ничего подобного. А зря! Скоро, скоро вы все обо мне заговорите!

Впереди показалась дорога. Незнакомец выждал, пропуская машину, пересек дорогу и вновь углубился в лес.

Полковник Главного управления Московского уголовного розыска Лев Иванович Гуров сидел в приемной генерала Орлова. Его давний друг и коллега полковник Станислав Крячко примостился на подоконнике, позади стола секретарши, чему та, несмотря на приложенные усилия, помешать не смогла.

– А скажи-ка мне, Верочка, чем таким приятным от тебя пахнет? Не иначе «Шанель № 5».

Изнывая от безделья, Крячко занимался излюбленным делом: балагурил, подтрунивая над строгой секретаршей начальника. Верочка недовольно повела плечиком и, бросив на него сердитый взгляд, съязвила:

– В вашем возрасте, товарищ полковник, следовало бы лучше разбираться в парфюме. Особенно принимая во внимание ваш неусыпный интерес к противоположному полу.

Верочка намекала на любвеобильность Стаса, о которой в Управлении ходили легенды. Впрочем, подобной славы Крячко мог не стыдиться, так как узами законного брака обременен не был. По той же причине с юмором относился к разговорам и шуткам на эту тему.

– О как! Одной фразой – и прямо в лужу, – хохотнул он. – А я-то думал, что мои познания в искусственно создаваемых запахах весьма обширны. Ну, просветите нас, несведущих, что нынче в моде?

– В отличие от вас, товарищ полковник, у меня работы непочатый край, – заметила Верочка. – Генерал ждать не любит.

– Вот и я не люблю, – оживился Стас, – а приходится. Так, может, скрасите наше ожидание незатейливым рассказом на тему: «Чем на Руси душиться хорошо?»

– Приедет генерал, просветит, – сухо проговорила Верочка, передернув плечами.

Последнее замечание Крячко ее явно задело. Это не укрылось от внимания Гурова. Что именно покоробило Верочку, было непонятно. Понизив голос, он спросил:

– Вы что-то знаете, Верочка? Зачем нас вызвал генерал? И чего ради мы торчим тут битый час?

– Не понимаю, о чем вы. – Краска прилила к щекам секретарши, выдавая ее с головой. – О своих планах генерал мне не докладывает.

– Он – нет, но ведь на то ты и секретарь, чтобы знать гораздо больше того, во что желает посвятить тебя босс, – соскакивая с подоконника, заметил Крячко. – Ну же, не томи, Верочка, открой папе Стасу свой секрет! Не сомневайся, все, что ты скажешь, уйдет со мной в могилу.

– Да прекратите вы! – резко оборвала его Верочка. – Как можно над этим смеяться?!

– Что с тобой? – Стас опешил, не ожидая подобной горячности от вечно сдержанной Верочки.

– Вас смутили слова «душить» и «могила»? – догадался Гуров. – Это и есть причина внезапного отъезда генерала. Нам снова хотят навязать дело сверху? Оно хоть стоящее?

– Ладно, скажу то, что знаю, – сдалась Верочка. – Только не думайте, что я открываю вам страшную тайну. Вы бы так и так об этом узнали.

– И в мыслях не было, – заверил ее Лев.

– Генерала вызвали насчет этого маньяка, – трагическим шепотом поведала секретарша. – Был звонок. Генерал так громко разговаривал, что слышно было по всему этажу. Нашли еще одну жертву. Похоже, останавливаться ваш маньяк не собирается.

– Да ладно! Какой там маньяк! Ни крови, ни насилия. Психопат – да, но не маньяк. – Крячко снова уселся на подоконник. – Говорить не о чем, не то что расследовать. Прошерстят всех бывших пациентов психушек и выйдут на него. Не думаю, что наша помощь тут уместна.

– Не скажите, – запальчиво возразила Верочка. – Может, он и псих, но от этого только страшнее. В городе поговаривают, что найдены далеко не все его жертвы. Говорят, что их гораздо больше, а власти либо умалчивают этот факт, либо не могут их отыскать.

– Верочка, вы же сотрудник полиции, – мягко произнес Гуров. – Вам ли сплетни собирать?

– Никакие это не сплетни! – отрезала она. – Люди зря болтать не станут. И откуда бы такой интерес у прессы, если бы дело не было сенсационным? Уж они-то на сенсации нюх имеют. Говорю вам, генерал приедет с кучей подробностей. Вот тогда и посмотрим, кто из нас прав, а кто сплетни собирает.

Из коридора донеслись торопливые шаги. Крячко едва успел соскочить с подоконника, как дверь приемной распахнулась, и на пороге появился генерал Орлов.

– Здравия желаю, Петр Николаевич! – вставая, поздоровался Гуров.

– Вы уже здесь? Оперативно. Пошли в кабинет, – не отвечая на приветствие, приказал Орлов. – Верочка, меня ни для кого нет.

– Совсем ни для кого? – уточнила секретарша. – И до которого часа?

– До тех пор, пока не закончу с этими двумя, – бросил генерал, скрываясь за дверью кабинета. – Ни с кем не соединять, никого не впускать! В общем, не беспокоить!

Оба полковника последовали за генералом. Дверь закрылась. Орлов сбросил китель, ослабил узел галстука и, устало опустившись в кресло, закрыл глаза. Гуров и Крячко переминались с ноги на ногу, не решаясь сесть. Генерал молчал, будто забыв о подчиненных. Спустя минуту не отличающийся терпением Крячко коротко кашлянул, напоминая о своем присутствии. Орлов открыл глаза, махнул рукой, приказывая полковникам сесть. Когда же устроились за столом, он выпрямился и заговорил:

– Значит, так, друзья-товарищи, город поставил перед нами очередную задачу, от успеха выполнения которой зависит честь всего Главка. В понедельник на планерке обсуждалось происшествие в пригороде Орехово-Зуево. Как ты там его назвал, Стас? Фермерские разборки? Так вот, вчера разборки продублировали. Только на этот раз к фермерам они не имеют никакого отношения. В лесополосе Вишняково найден труп мужчины. В том же состоянии, что и труп фермера. У нас серия, господа!

– Вот гадство! – не сдержавшись, выругался Крячко.

– Согласен, Стас, гадство, и с этим гадством придется разбираться вам с Гуровым.

Долгие годы совместной службы, давно перешедшие в крепкую дружбу, позволяли этим троим общаться в неуставной манере, поэтому высказывание Крячко ничуть не покоробило генерала. Он привык к непосредственности одного и сдержанности второго. Досада полковника Крячко была понятна генералу. Серийные убийства – самые сложные по раскрываемости, а спрос за результат – самый строгий. В таких делах успех всегда зависел от случая, как и выбор жертвы. Предотвратить нападение на случайную жертву – задача практически невыполнимая. Это все равно что носить воду решетом. Орлов ждал реплики Гурова, но тот молчал, ожидая продолжения.

– Подробности известны? – снова заговорил Крячко. – Личность убитого установлена? Кто на этот раз?

– Владислав Дрозинский, ведущий хирург районного стационара. Тридцать восемь лет, десять из которых проработал на одном месте.

– Кто обнаружил тело?

– Грибники. Трое подростков, решивших подзаработать на сборе грибов. Их нанял местный делец. Личность неприметная. Занимается переработкой овощей и фруктов, приторговывает на рынке, но основной доход имеет от снабжения консервированным товаром московских перекупщиков. Даже не знал, что существует такой бизнес. – Орлов потер переносицу. – Оказывается, в столице котируется базарная консервация. Совсем народ обленился, предпочитает покупать готовые огурцы-помидоры, а не выращивать их самостоятельно и тратить время на готовку.

– Ритм жизни изменился, – заметил Станислав.

– Ладно, давайте о деле, – остановил сам себя генерал. – Парни пошли по грибы. На опушке решили передохнуть, посидеть в тишине. Заметили отблеск солнечных лучей в просвете между деревьями и решили посмотреть, что там блестит. Вот и посмотрели.

– Зрелище не из приятных? – вздохнул Крячко.

– А ты как думаешь? Тело мужчины много часов провисело вниз головой. Пищевая пленка в пять оборотов так скрутила тело, что парни не сразу сообразили, что перед ними человек. Ни одного просвета, даже ботинки и те запечатаны.

– Три человека имели возможность рассмотреть место преступления? – подал голос Гуров. – Неплохо для начала.

– Забудь! – махнул рукой Орлов. – Подростки так испугались, что бросились бежать со всех ног. Полицию вызвали только после того, как полкилометра отмахали. Ждали машину на обочине дороги, потом направление указали, а сами на месте остались.

– Чего же они так испугались, если все чистенько и аккуратненько? – не понял Крячко.

– В двенадцать лет найти посреди леса висельника само по себе нагонит страху, – заметил генерал.

– Им по двенадцать? – присвистнул Стас.

– Это самому старшему. Остальным и того меньше, – подтвердил генерал.

– Обнаружили сегодня? – Гуров желал знать подробности.

– В восемь утра. В одиннадцать меня вызвали на ковер, до этого времени выяснить удалось немного, так что начинать вам с чистого листа. Если больше вопросов нет, то я вас не задерживаю. Впрягайтесь в работу, ребятки.

Крячко открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но, увидев, что Гуров поднялся, последовал его примеру.

– Вопросов нет, товарищ генерал! – бойко отрапортовал он. – Как говорится, лучше один раз увидеть. Разрешите приступать?

– Обо всем, что удастся выяснить, докладывать немедленно. Дело взято под особый контроль, – напоследок добавил генерал.

– Из-за слухов в прессе?

– И не только. Кое-кому появление серийного убийцы в сердце страны спутало планы. Доклад о существенном снижении уровня преступности в столице опубликован на всех сайтах неделю назад, и вдруг такое. Это же непростительная оплошность со стороны правоохранительных органов. Допустить маньяка в столичный огород! Неслыханная безответственность! Виновные будут выявлены и наказаны по всей строгости. – Орлов перевел дыхание и продолжил: – У нас два пути: либо доказать, что никакой серии здесь нет, либо разоблачить убийцу в кратчайшие сроки. Причем первый вариант предпочтительнее.

– Даже так? – Брови Гурова поползли вверх.

– Таковы пожелания сверху, – подтвердил Орлов. – Не думай об этом, Лева. Наша задача не погоны от охочих до расправы бюрократов защищать, а водворить мир и спокойствие граждан во вверенный нам город. Если это дело рук серийного убийцы, мы должны его обезвредить. Все очень просто. Допустить, чтобы он остался безнаказанным, нельзя, значит, будем искать маньяка.

Больше Гуров вопросов не задавал, и оба полковника вышли из кабинета. Проходя мимо секретарши Верочки, Крячко не удержался от реплики:

– Похоже, твоя взяла, Веруша. Мы с Гуровым идем охотиться на маньяка. Пожелай нам удачи.

Верочка только фыркнула и склонилась над бумагами.

– Как тебе понравилось высказывание генерала? – начал Крячко, догнав Гурова. – Наверху, похоже, считают, что убийцы сами к нам в руки идут. Вышел во двор, кликнул окриком молодецким, и маньяки в очередь выстроились. Берите нас, граждане начальники, пакуйте да в суд сдавайте! Или же на заказ работают. Нужен маньяк? Пожалуйста! А неугоден, так мы в убийство по неосторожности переквалифицируемся. Только прикажите, граждане начальники!

– Наше дело маленькое, – пожал плечами Лев. – Получил приказ, – выполняй, а о чем там, наверху, мечтают, пусть у генерала голова болит.

– Как бы не лопнула, голова-то, – хмыкнул Станислав. – С чего начнем? Есть соображения?

– Подгони машину, поедем в Вишняково. Осмотрим место преступления, там и сориентируемся, – ответил Гуров. – А я пока тут кое-что улажу.

– Добро, – кивнул Крячко.

Он забежал в кабинет, сменил китель на куртку-ветровку и отправился на парковку, готовить машину. Гуров же решил заглянуть в информационный отдел. В отделе делами заправлял капитан Жаворонков, к помощи которого он прибегал систематически. Вот и на этот раз, едва переступив порог, Лев заявил:

– Валера, нужна твоя помощь!

– Слушаю, товарищ полковник, – отрываясь от монитора, проговорил капитан.

– Мне нужна вся информация по делу убитого фермера. Все, что есть в нашей базе, и любые упоминания в прессе. Как скоро ждать результата?

– Двадцать минут – официальные данные, с прессой – часа два, – не задумываясь, ответил Жаворонков.

– Мы на выезд. «Официалку» жду в кабинете, остальное сможешь переслать на электронку?

– Сделаю.

– Отлично! Распечатку пришли с дежурным.

Гуров вернулся к себе в кабинет. Поджидая отчет, он выложил на стол карту области, взял в руки маркер. Нашел место первого преступления, обвел населенный пункт красным. То же самое проделал со вторым местом преступления. Расстояние получилось приличное. Соединил объекты по прямой. Высчитав масштаб, наморщил лоб – для маньяка размах неслыханный. Не в одном районе, и даже не в одном городе орудовать решил, на область замахнулся. Зачем? К чему усложнять, если твоя цель – убийство ради убийства? Мало, что ли, в столице укромных местечек, таких, где появление людей большая редкость? Зачем колесить по области, выискивая подходящее место и подходящую жертву? И почему выбор пал на мужскую половину населения? Обычно маньяки ориентируются на слабый пол или же на детей. В крайнем случае выбирают стариков, а тут два случая, и в обоих зрелые мужчины, которые в состоянии за себя постоять. Если это и маньяк, то весьма своеобразный.

Мысли его прервал стук в дверь. Заглянул дежурный, сообщил, что первый отчет от Жаворонкова готов. Гуров забрал бумаги и поспешил к машине. Крячко уже сидел на водительском месте. Поворачивая ключ в замке зажигания, он с любопытством покосился на папку в руках напарника и спросил:

– Что это?

– Информация по делу фермера, – сообщил Лев. – Тут все: рапорты, отчеты, результаты осмотра места происшествия, результаты вскрытия.

– Жаворонков постарался?

– Он самый. Хочешь послушать?

– Валяй!

Гуров раскрыл папку и принялся пересказывать Стасу содержимое папки.

– Первое тело было обнаружено десять дней назад. Владелец фермерского хозяйства, ориентирующегося на выращивании крупного рогатого скота, Анатолий Зубанов, сорока двух лет. Был найден помощником в одном из коровников поздно вечером. День был воскресный, поэтому коровник с самого утра пустовал. Пастух выгнал стадо чуть позже четырех, больше в помещение никто не заходил. По словам помощника, врагов у фермера не было, а вот по слухам, поползшим по деревне после смерти Зубанова, мужчина сам накликал на себя беду.

– Каким образом? С местной колдуньей поссорился? – пошутил Крячко. – Ох уж мне эти деревенские сплетники!

– Да нет. Дело тут не в сплетниках. Кое-каким словам есть подтверждение. Суть слухов сводится к следующему: чуть больше месяца назад Анатолий Зубанов произвел продажу части поголовья скота. Продал скот он такому же фермеру среднего достатка, как и

сам. А через две недели у покупателя сдохло восемьдесят процентов стада. Обиженный фермер утверждал, что Зубанов обманул его, продав порченую скотину. В протоколе допроса помощника фермера, того самого, что обнаружил труп, сказано, что падеж скота наблюдался и у Зубанова, правда, не в таких размерах. А еще сказано, что за неделю до смерти к Зубанову приходил фермер-покупатель и угрожал расправой. Кстати, этого фермера задержали, он сейчас в СИЗО.

– Значит, второе убийство на него не повесить, – заметил Стас. – Алиби железное.

– Я не об этом. Допросить проще будет, – пояснил Гуров и продолжил: – Как и хирург, фермер был запечатан пленкой, подвешен вниз головой и оставлен умирать. Причина смерти – асфиксия. Зубанов задохнулся, лишенный возможности дышать. В области затылка следы удара тупым предметом. Другие травмы отсутствуют.

– Маньяк наш не особо кровожаден, – хмыкнул Крячко.

– Может, и не кровожаден, но уж точно хладнокровен. В большинстве случаев смерть от удушения, при полной остановке дыхания, наступает в течение трех минут. Чтобы выполнить задуманное, ему только и нужно, что оглушить жертву, и, пока сознание не вернулось, перекрыть доступ кислорода. Только представь: три минуты, и все кончено. Остаться в живых у жертвы нет ни единого шанса. – Гуров отложил папку и с задумчивым видом проговорил: – Странно все это.

– Что именно? – не понял Станислав.

– Да вся эта ситуация. Быть может, ты посчитаешь меня чересчур циничным, но вот что не дает мне покоя: у нас два убийства, совершенных одинаковым способом. Логично предположить, что в обоих случаях действовал один и тот же человек. Из этого предположения вытекает, что человек этот совершает преступления либо из мести, либо по причине психического расстройства, заставляющего лишать жизни подобных себе. Практика показывает, что, каким бы ни был мотив действий серийного убийцы, одно непреложно: от своих действий он хочет получить максимум удовлетворения. Так почему же способом расправы он выбрал столь бескровный и быстрый способ?

– Пожалуй, в этом что-то есть, – тоже задумался Крячко. – Если вспомнить всех известных серийников, вряд ли среди них найдется кто-то более гуманный, чем наш новичок.

– Вот и я о том же, – заключил Гуров.

– Так в чем проблема? Отбросим эту версию и будем разрабатывать сразу два направления. Ведь это возможно? Я имею в виду, что два отдельных человека совершили преступления по одному образцу, – предположил Крячко.

– Теоретически это возможно, – согласился Лев. – Допустим, что фермера Зубанова убил его конкурент. Придумал оригинальный способ убийства, просто чтобы сбить полицию со следа. Информация появляется в прессе. На нее натыкается другой убийца, готовящий преступление именно в этот момент. И вот он решает, что инсценировать убийство, аналогичное убийству фермера, будет весьма умно. Он вызнает детали, готовит все необходимое и устраняет неугодного человека. Он уверен, что преступление отнесут к серии и станут искать уже не в ближайшем окружении жертвы, а куда как шире.

– Хорошая теория, – кивнул Станислав. – Стоит проверить.

– Этим займемся после осмотра места преступления. Лесополоса – в первую очередь, – заявил Гуров.

Машина въехала в поселок Вишняково. На въезде их встретил полицейский седан. Обменявшись приветствиями, двинулись к месту, где был обнаружен труп хирурга Дрозинского. Поднявшись на опушку, припарковались. Место обнаружения трупа было обозначено заградительной лентой с предупреждением о том, что проход закрыт. Возле ленты дежурил молоденький полицейский. Гуров поднырнул под ленту, подошел к березе и повернулся к сопровождающему его майору:

– Тело висело здесь?

– Так точно, товарищ полковник, – отрапортовал тот.

– Давайте без официоза, – досадливо поморщился Лев. – Время сэкономим.

– Как скажете, – пожал плечами майор. – Когда мы прибыли на место, труп висел на этой ветке. Видите, следы от веревки? Ее пришлось обрезать, тело поддерживали наши сотрудники, так что на земле все осталось нетронутым.

Гуров поднял голову, взглянул на ветку и проговорил:

– Высоко забрался, метра четыре от земли. Он что, на дерево лазил?

– Скорее всего. Выбирал сук понадежнее. Хотел действовать наверняка. Обломись ветка, и все старания впустую, – ответил майор.

– Для чего такие сложности? – вступил в разговор Крячко. Он, как и Гуров, с удивлением рассматривал раздвоенный ствол березы. – В отчете сказано, парень был запечатан пленкой так, что шансов выжить у него при любом раскладе не было. Хоть на земле оставь – конец один.

– Видимо, у убийцы свой ритуал, – заметил майор.

– Он ведь рисковал шею свернуть, – задумчиво произнес Гуров. – Добраться до той ветки было наверняка непросто.

– Можно проверить опытным путем, – предложил Крячко. – Отпечатки пальцев с коры все равно не снять. Полезу-ка я наверх.

– Это еще для чего? – забеспокоился майор.

– Повторим маневр убийцы. Выясним, насколько это сложно, и, быть может, поймем его мотивы.

Гуров возражать не стал. Поплевав на руки, Стас ухватился за нижнюю ветку, подтянул тело, упирая ноги в раздвоенный ствол. Три минуты – и он уже наверху.

– Готово! Вид отсюда что надо. Вся дорога как на ладони.

– Объясняет отсутствие следов у места преступления. – В голосе майора прозвучало уважение. – А мы гадали, отчего это следов нет? По идее, убийца должен был поджидать жертву здесь. В случае длительного ожидания всегда остаются следы. Преступник переминается с ноги на ногу, сплевывает, курит, а тут – ничего. Вернее, следы есть, но их недостаточно.

– Спускайся, Стас! – приказал Гуров. – Посмотрим, что есть на земле.

Тот спустился вниз так же легко, как и взобрался. Уже у самой земли, ухватившись за крайнюю ветку, он чертыхнулся.

– Что там у тебя?

– На сучок наткнулся, – досадливо поморщившись, произнес Крячко.

– Надо быть осторожнее, – заметил майор.

Стас его перебил:

– Тут что-то есть! Похоже, убийца мимо этого сучка тоже не прошел. Поддержи меня за ноги, майор, и дайте что-нибудь, что поможет мне срезать сучок, не растеряв его секреты.

Майор подозвал дежурного полицейского, до того момента с любопытством наблюдающего за действиями столичных следователей, велел ухватить Крячко за ноги, удерживая на весу, а сам быстрым шагом вернулся к машинам. Покопавшись в бардачке, отыскал чистый полиэтиленовый пакет, из багажника достал пассатижи. Вернувшись, передал все это Крячко. Минуту спустя все трое рассматривали трофей. Сучок был окрашен кровью.

– Думаю, какая-то часть кожи тут тоже присутствует, – произнес Станислав.

– Если только это не ваша кожа, – скептически оценил находку майор. – Вы ведь тоже на этот сук напоролись. Вот и кровь у вас идет.

Крячко оглядел царапину на ладони. Из рваной раны тонкой струйкой вытекала кровь.

– Все равно проверить стоит, – упрямо повторил он.

Убрав пакет, Гуров продолжил осмотр. В полуметре от основания ствола дерн был разворочен. Орудовали ножом. Рядом четко виднелись капли крови.

– Чья кровь? – спросил он майора.

– Жертвы. На затылке обширная гематома, кожа рассечена, отсюда и кровь.

– Значит, убийца поджидал жертву, сидя на дереве. Убедившись в его приближении, он спустился вниз, каким-то образом сумел подозвать хирурга к себе, затем ударил того по затылку, а пленкой скручивал уже в бессознательном состоянии, – вслух размышлял Гуров.

– Все говорит за эту версию. Следов жертвы возле ствола совсем немного. Непохоже, чтобы он стоял здесь долго, – согласился майор.

– Странно, – разглядывая раскуроченный дерн, заметил Гуров.

– Что именно?

– Эти следы. Дерн снят намеренно. Видите, какие ровные края? Его снимали ножом. Спрашивается, для чего? Видимо, здесь и была ловушка, вопрос только в том, что она собой представляла, – пояснил Гуров.

– Выяснить не удалось, – ответил майор.

– А предмет, которым нанесен удар? – спросил Крячко.

– Не обнаружен. Похоже, убийца забрал его с собой. Мы осмотрели все в радиусе ста метров, и ничего.

– Что представляет собой веревка? – поинтересовался Лев, продолжая изучать дерн.

– Синтетический шпагат диаметром в сантиметр. Продается бухтами и доступен к продаже, как спички в супермаркете.

– Бухта, говоришь?

– Так говорят эксперты.

– Где сейчас находится тело Дрозинского?

– В Электроугли увезли, в Вишняковском полицейском участке морга нет.

– Улики там же?

– Все там. Желаете взглянуть? – предложил майор.

– Поехали.

Гуров первым вышел из охраняемой зоны. За ним следовал полковник Крячко. Майор шел последним. Перед отъездом он напомнил дежурному о необходимости смотреть в оба и без особого распоряжения не пропускать за ленту никого, после чего обе машины отбыли в соседний поселок.

Глава 2

В отделе полиции городского поселения Электроугли полковники провели больше часа. За это время они успели осмотреть тело Владислава Дрозинского, изучить собранные на месте преступления улики и обсудить стратегию совместной работы с сотрудниками отдела. Майору был отдан приказ ждать распоряжений от Гурова, после чего отправились в больницу, где работал Дрозинский, собираясь пообщаться с главврачом.

В вестибюле районной больницы было тихо и пустынно. В послеобеденный час посетителей не было, врачи разошлись по кабинетам, медсестры отдыхали в пересменок между утренними и вечерними процедурами. Лишь санитарка, вяло двигающая шваброй, да дежурная в регистратуре встретили полковников любопытными взглядами. Гуров направился к стойке регистратора.

– Доброго дня, – доставая удостоверение из нагрудного кармана, поздоровался Лев. – Полковник московского УГРО Гуров.

– Очень приятно. Дежурная медицинская сестра Светлана Николаевна Кораблева, – с любопытством рассматривая удостоверение, представилась дежурная.

– Главврач на месте?

– Вы по поводу смерти Владислава Игоревича? – трагическим тоном спросила Кораблева. – Ужасная трагедия! Наши все в шоке. Даже Вероника Степановна и та слезу пустила. Мыслимое ли дело, запечатать человека, точно колбасу какую-то, и на жаре оставить!

Сентябрь в этом году был и впрямь на удивление жарким, так что высказывание регистраторши имело под собой почву.

– Вероника Степановна – это кто? – ухватился за слова регистратора Крячко. – Они с покойным были в ссоре?

– Нет, что вы! – ужаснулась Кораблева. – Вероника Степановна никогда ни с кем не ссорится. Она всех любит, только выражает это по-особому.

– Например?

– Ну, вразумляет, заставляет поступать по совести. Иногда даже уволиться вынуждает, если чувствует, что человек неверно профессию выбрал, – начала перечислять медсестра. – И никогда никаких эмоций. В смысле слез там или истерик. Ни от радости, ни от горя. А тут расчувствовалась, поэтому я про нее и вспомнила.

– Непростой человек ваша Вероника Степановна, верно? – заметил Крячко. – Друзьями наверняка небогата, с таким-то характером.

– Да уж, в этом вы правы. Не всякому нравится, когда в его жизнь лезут, – поддакнула Кораблева. – А Веронику Степановну медом не корми, дай только чужое белье пополоскать. Впрочем, при ее должности это и понятно.

– И кто же по должности наша печально известная Вероника Степановна?

– Заместитель главного врача по подбору персонала. Работает здесь уже лет сто. За время ее правления сменилось шесть главврачей, а она устояла. В больнице поговаривают, что у нее связи с самой Москвой, вот ее и не трогают.

– Пожалуй, нам полезно было бы пообщаться с Вероникой Степановной, – усмехнувшись, произнес Стас. – Она на месте?

– Разумеется. Не было дня, чтобы она пропустила работу. Даже в отпуск не ходит. – В голосе Кораблевой прозвучала то ли зависть, то ли раздражение. – По коридору направо. Вторая дверь. Там табличка, мимо не пройдете.

– Благодарю за помощь! – лучезарно улыбнулся Станислав. – А с вами мы еще побеседуем. Позже.

Гуров уже шагал по коридору. Крячко подмигнул Кораблевой и поспешил за ним. Нужная дверь оказалась приоткрыта, и из-за нее раздавались голоса. Говорили двое, и, похоже, ругались. Гуров знаком остановил Крячко. Коридор был пуст, обсуждать внезапную остановку двух полицейских возле кабинета заместителя главврача было некому, поэтому он решил послушать, о чем идет спор.

– Я вас предупреждала, что добром это не кончится! – Женский голос срывался на фальцет. – Нельзя держать в штате подобный персонал.

– Да почему же нет? Со своими профессиональными обязанностями он справлялся, а все эти сплетни и слухи, стоит ли обращать на них внимание? – оборонялся мужской голос. – Так мы вообще без врачей останемся. Сегодня на одного наговорили, завтра на другого. Что было бы, если бы журналисты начали трепать ваше имя? Вас мне тоже нужно было бы уволить?

– Мое имя никогда не будут трепать журналисты, – отрезала женщина. – А вот ваше положение теперь ой как шатко. И учреждению это точно не на пользу.

– От подобного никто не застрахован. В конце концов, это не я его убил, – заметил мужчина.

– Нет? Вы уверены? – Голос женщины теперь звучал вкрадчиво. – И доказать можете? Быть может, у вас алиби имеется или другие веские доказательства?

– Вероника Степановна, вы в своем уме?! – воскликнул мужчина. – Немедленно прекратите! Предупреждаю, если до меня дойдет хоть малый отголосок слушка, пущенного вами, вылетите из штата в то же мгновение! Я ваши методы знаю. Не удивлюсь, если узнаю, что слух о неподобающем поведении Дрозинского пустили именно вы.

– Не нужно озвучивать угрозы, которые вы не можете претворить в жизнь. – Чувствовалось, что предупреждение женщину ничуть не испугало. – И запал свой поберегите для газетчиков и полиции. Думаю, в ближайшие дни вам только с ними и придется общаться.

По всей видимости, разговор подошел к концу. Гуров отошел на несколько шагов назад и, уже не скрывая своего присутствия, подошел к двери. Постучав в приоткрытую дверь, он вошел внутрь со словами:

– Здравствуйте, мне сказали, что здесь я найду главврача.

Оба, и мужчина, и женщина, находящиеся в кабинете, выглядели испуганными. Женщина явно пыталась определить, как много мог услышать из их разговора незнакомец в форме. Вошедший следом Крячко широко улыбнулся и представился:

– Полковник Крячко, Московский уголовный розыск. С кем имеем честь?

Первой взяла себя в руки женщина. Оправив блузку, будто в этом была нужда, вытянулась, как на параде, и произнесла:

– Главврач перед вами. Геннадий Владимирович Бобров, – она указала рукой на мужчину, растерянно оглядывающего вошедших. – Я его зам, Вероника Степановна Гойтич. Позвольте взглянуть на ваше удостоверение.

Брови Крячко поползли вверх.

– Вот так прием, – усмехнулся он. – Впрочем, ваше требование вполне законно.

Он вытащил удостоверение, раскрыл и вытянул руку вперед, давая возможность изучить его. Гуров проделал то же самое.

– Удовлетворены? – пряча удостоверение, спросил Стас.

– Не сердитесь, но в нашем положении предосторожность не помешает. Вокруг больницы теперь столько шарлатанов, готовых на все, лишь бы получить информацию о погибшем враче, – заметно расслабившись, ответила Вероника Степановна.

– Это вы про журналистов? – догадался Крячко.

– Именно о них. К нам уже приходили. Пришлось даже охрану вызвать, чтобы выдворить их вон, – наконец-то подал голос главврач. – Чем можем быть вам полезны?

– Хотелось бы побеседовать о докторе Дрозинском, – пояснил Гуров. – С вами и вашим замом.

– Мы готовы, – вместо главврача произнесла Вероника Степановна. – Присаживайтесь. Можем уделить вам тридцать минут. После этого нас ждет обход.

– Замечательно! Полковник Крячко останется здесь, а мы с Геннадием Владимировичем пройдем в его кабинет. Вы ведь не возражаете? – Вопрос был адресован главврачу.

Тот пожал плечами и направился к двери.

– Почему нельзя побеседовать здесь? Не думаю, что наши сведения будут чем-то разниться, – поспешно проговорила Вероника Степановна. – Места достаточно.

– Не положено, – отрезал Крячко, закрывая за Гуровым дверь. – Или вы чего-то опасаетесь?

– Что за вздор, нет, конечно! – возмутилась Гойтич.

Она уселась в кресло, скрестив руки на груди. Крячко занял стул напротив.

– Итак, гражданка Гойтич, выкладывайте все, что знаете о докторе Дрозинском.

– Не могли бы вы конкретизировать ваш вопрос? Понятие «все» чересчур расплывчатое.

– А вы понимайте его именно так. Дело в том, что, когда ведется расследование преступления подобного рода, даже самая незначительная деталь может оказаться крайне полезной. Предугадать, что именно выведет следователя на преступника, в этом случае невозможно. Поэтому предлагаю вам расслабиться и начать с самого начала. Допустим, с того момента, когда доктор Дрозинский впервые появился в вашей больнице. Когда, откуда, при каких обстоятельствах? Идея ясна?

– Более чем, – ответила Вероника Степановна и приступила к рассказу.

С ее слов получалось, что Дрозинский был переведен из столичной клиники по рекомендации тамошнего главврача. У Дрозинского якобы появились проблемы легочного характера, столичный смог их лишь усугублял, а свежий, не загрязненный заводскими выхлопами воздух пригорода должен был способствовать улучшению состояния здоровья талантливого хирурга. В эту версию Вероника Степановна не поверила ни на минуту, но постаралась устроить так, чтобы свежим воздухом новый хирург был обеспечен с избытком. Потому-то Владислав получил жилье в нескольких километрах от больницы, в поселке с населением в пятьсот человек. На этом Вероника Степановна не успокоилась. Она попыталась навести справки о Дрозинском, так как не привыкла получать «кота в мешке» в качестве ведущего хирурга. Из официальных источников узнать что-либо компрометирующее Влада не удалось, а вот кое-кто из младшего персонала клиники, где ранее работал Дрозинский, намекнул ей, что доктор не так чист и честен, как кажется. Взяточник, одним словом. Без подтверждения данной теории Вероника Степановна пойти к главврачу не решилась и стала наблюдать за Дрозинским. Несколько лет тот работал безупречно, и она бдительность ослабила. Тем более что в ее ведении был не он один и следить было за кем. И вот в последнее время до нее стали доходить слухи, что Дрозинский взялся за старое. Подловить его никак не удавалось. А потом разразился скандал. Все началось со статьи в прессе о ведущем хирурге, требующем неподъемные суммы за пустяковые операции, пугая родственников пациентов страшными осложнениями, не прими они его условия. В ней же говорилось о нескольких смертельных исходах, жертвах халатного отношения хирурга и попустительства руководства больницы. Историей заинтересовались власти. Началось расследование. Дрозинского, Боброва и саму Веронику Степановну принялись допрашивать с пристрастием. О множественных случаях смертей под ножом хирурга журналисты, естественно, преувеличили. Смертельный случай был один, и в том конкретном случае вина Дрозинского доказана не была. Тем не менее Вероника Степановна стала требовать от Боброва уволить Дрозинского, как не соответству-

ющего занимаемой должности. Бобров медлил, и вот к чему привело промедление. Дрозинский убит, а имя больницы снова полощут в прессе.

Дальше пошла информация личного характера. Семьи Дрозинский не имел. Время от времени до Вероники Степановны доходили слухи о кратковременных интрижках доктора с местными медсестрами, но серьезного романа так и не случилось, несмотря на то что многие девушки мечтали о том, чтобы сменить свою фамилию на фамилию ведущего хирурга. На работе больницы интрижки Дрозинского никак не сказывались, поэтому Вероника Степановна закрывала на них глаза. Последний роман, по сведениям Вероники Степановны, был у него еще до того, как разразился скандал. Его пассией была медсестра из гинекологии, Светлана Акиншина. Совсем молоденькая девушка, поступившая в больницу год назад прямо с институтской скамьи. Отчего разладились отношения, Вероника Степановна не знала.

Относительно друзей информации было и того меньше. С коллегами Дрозинский пересекался исключительно по работе. В общих празднованиях участия не принимал, к себе гостей не звал. Были ли у Дрозинского друзья вне стен больницы, судить трудно, так как активностью в общении тот не отличался. Все, что было известно Веронике Степановне, – это то, что на телефон больницы несколько раз звонил сосед Дрозинского, и тот разговаривал с ним подолгу. Возможно, он и был единственным другом хирурга.

Вредными привычками, такими как алкоголь, наркотики или азартные игры, Дрозинский обременен также не был. Старался вести здоровый образ жизни, согласно легенде перевода из столицы. Ежедневные пробежки в лесу оставлял на короткое время, пока велось расследование смерти его пациентки. Как только вердикт «невиновен» был вынесен, пробежки возобновились. Кто знал о маршруте, по которому следовал Дрозинский на своих пробежках? Да весь поселок. Дорога в лес вела одна, а бегать вокруг поселка, когда рядом шикарная лесополоса с наичистейшим воздухом? Нонсенс! О других любителях активного образа жизни, которые так же, как и Дрозинский, имели слабость к пробежкам, Вероника Степановна сообщить не смогла. Правда, посоветовала обратиться с этим вопросом в местный «Клуб здоровья». Имелся в городском поселении такой. Заправлял там давний друг Вероники Степановны, майор в отставке Ярослав Фрязев. Как-то тот упомянул, что Дрозинский приходил к нему, справляясь об условиях членства в клубе. Больше Вероника Степановна ничего не знала.

Обменявшись телефонами, Крячко оставил замглавврача и отправился на поиски Гурова. Тот встретил его в вестибюле. Стас вкратце изложил результат беседы с Гойтич, после чего Лев выложил основные детали разговора с главврачом. Бобров снабдил его всеми данными на родственников пациентки, умершей на операции, проводимой Дрозинским. Девушка, двадцати двух лет, страдала хроническим заболеванием желудка. В больницу была доставлена с острым приступом. В процессе первичного осмотра в желудке были обнаружены множественные гнойные грыжи. Довезти пациентку до Москвы живой не было ни одного шанса. Но и в условиях больницы городского поселения успех операции не гарантировал бы ни один врач. Экстренная хирургия на то и экстренная, что подразумевает операции по жизненным показаниям. По словам Боброва, Дрозинский не хотел браться оперировать девушку, да родственники уговорили. На третьей грыже все закончилось. Гнойный мешок прорвался, мгновенно поразив жизненно важные органы. После чего родственники девушки подали на больницу в суд.

Словам главврача Гуров не особо верил. Как правило, в таких случаях врачи стоят друг за друга горой. Профессиональная этика или что-то в этом роде. Сталкиваться с подобными случаями ему приходилось и раньше. О злоупотреблении положением со стороны Дрозинского Бобров высказывался категоричнее Вероники Степановны. Такого в стенах больницы никогда не было, и быть не могло, таков вердикт главврача. Оно и понятно. Всплыви махинации Дрозинского, первой полетит его голова. Как допустил, почему недоглядел? О любов-

ных похождениях подчиненного Бобров не знал или не захотел распространяться, а вот о друзьях-приятелях имел более полное представление. Он назвал два имени. По его мнению, двое этих людей систематически общались с Дрозинским. Первый – Дмитрий Оскобинцев, водитель-дальнобойщик, он был первым пациентом хирурга после того, как тот переехал в Вишняково. Второй – все тот же сосед, Роман Шепелев.

– Итак, что мы имеем? – подводя итог обмену информацией, произнес Гуров. – Паратройка людей, с кем нужно пообщаться немедленно. Одна большая сплетня, разросшаяся до областного масштаба. И сомнительная улика с места преступления.

– С чего начнем? – уточнил Крячко.

– Раз уж мы здесь, нужно отработать всех, кто, так или иначе, соприкасался с хирургом, – предложил Лев. – Лучше всего будет распределить свидетелей. К кому-то пойдешь ты, к кому-то я. Получится быстрее.

– А что потом?

– А потом поедем к фермеру.

Составив список тех, кого ожидала беседа, Гуров и Крячко разошлись каждый по своим адресам. Крячко достались девушки-медсестры, с которыми у Дрозинского когда-либо был роман, в число коих входила Светлана Акиншина. Еще он должен был посетить основателя «Клуба здоровья» Ярослава Фрязева, так как тот жил недалеко от здания больницы, и пройтись по коллегам Дрозинского, вне зависимости от их близости к убитому. Гурову же достались родственники умершей девушки, сосед Дрозинского и водитель-дальнобойщик. Так как те, кого следовало допросить Крячко, находились в больнице или в непосредственной близости от нее, машину забрал Гуров, и первым, кого он решил посетить, был сосед Дрозинского, Роман Шепелев.

Дом Дрозинского располагался на центральной улице Вишняково, его Лев нашел без труда. Скромное трехэтажное строение типовой планировки. Квартира Дрозинского находилась на втором этаже, его друг Шепелев жил на третьем. Поднявшись на третий этаж, Гуров нажал кнопку звонка. Почти сразу за дверью послышались шаги, затем заскрежетал отпираемый замок.

– Добрый день, вы Роман Шепелев?

– Да, это я. Вы по какому вопросу? – Лицо Шепелева было помятым, парень явно страдал от жестокого похмелья.

– Я по поводу вашего друга, Владислава Дрозинского. Войти позволите?

– Квартира Влада этажом ниже, – пробурчал Шепелев, собираясь закрыть дверь.

Лев выставил вперед ногу, не дав этого сделать, и произнес:

– Не спешите! Мне нужны именно вы.

– Не лучший день для беседы вы выбрали, господин хороший, – ворчливо заметил Шепелев, но дверь отпустил. – Ладно уж, входите.

Гуров прошел в прихожую. Хозяин жестом указал в сторону кухни и проследовал туда. Открыв холодильник, извлек оттуда бутылку пива.

– Разрешения не спрашиваю, так как нахожусь на своей территории и имею право делать здесь все, что захочу и когда захочу, – с вызовом проговорил он, распечатывая бутылку и делая большой глоток. – Если дадите мне пару минут, буду готов ответить на все ваши вопросы. Поправлю здоровье, и я весь ваш.

– Трудная ночь? – спросил Гуров, окидывая взглядом ряд бутылок возле холодильника.

– Не труднее прочих, – ухмыльнулся Шепелев и пояснил: – Я в отпуске. Отрываюсь по полной.

Пока он уничтожал содержимое бутылки, Гуров молчал. И лишь когда пустая бутылка присоединилась к батарее своих собратьев, снова заговорил:

– Скажите, как давно вы виделись с Владиславом Дрозинским?

– Дня три назад, – подумав, ответил Шепелев. – Ровно столько длится мой отпуск.

– Где вы его видели в последний раз?

– Что значит, «в последний»? – Во взгляде Шепелева промелькнуло беспокойство. – У него дома. Я зашел к нему по-соседски, предложил выпить за мой отпуск.

– Он согласился?

– Отказал. Влад мало пьет, а зная мои запросы относительно спиртного, соглашается поддержать компанию крайне редко. Правда, мы выпили то, что я с собой принес, но на этом все и закончилось.

– И что же вы принесли с собой? – спросил Гуров.

– Четыре банки пива. Три выпил я, одну он, да и ту не допил. Потом выставил меня за дверь. Как обычно.

– Такова была ваша дружба?

– Дружба дружбе рознь. Собутыльников мне хватает, а вот чтобы по душам с человеком пообщаться, таких маловато, – честно признался Шепелев. – Для того, чтобы напиться, Влад не подходит, а в остальных случаях – идеальный товарищ.

– Вы делились с ним своими проблемами?

– Делился. И он всегда давал дельные советы. – Роман невольно начал говорить о друге в прошедшем времени.

– А он с вами проблемами делился?

– Бывало.

– Например?

– Послушайте, вы при исполнении, в форме и все такое, но ведь и я не чурбан безмозглый! – внезапно раскипятился Шепелев. – Вы явились ко мне в дом, выспрашиваете подробности моей частной жизни, но не удосужились объяснить, по какому праву ведете тут допрос. По-моему, я имею право знать, что случилось.

– Владислав Дрозинский найден мертвым в лесополосе недалеко от поселка, – ровным голосом объявил Гуров.

– Влад умер? – Вопрос прозвучал чуть слышно. Новость настолько оглушила Шепелева, что он медленно опустился на табурет, прислонился к стене и непонимающим взглядом уставился на Гурова.

– Он убит. Убит жестоко и намеренно. Поэтому я здесь.

– Хотите сказать, что подозреваете меня? Да вы просто ненормальный!

– Отнесу ваше высказывание к состоянию аффекта, – спокойно произнес Лев. – Не многие люди могут хладнокровно принять подобное известие.

– Мне нужно выпить! – заявил Шепелев, протягивая руку к дверце холодильника.

– Не раньше, чем мы поговорим, – жестом остановил его Гуров. – Сначала вы ответите на мои вопросы, а уж потом вольны делать все, что вам заблагорассудится.

Шепелев сделал еще одну безуспешную попытку добраться до содержимого холодильника, но Лев был непреклонен. Смирившись, Роман произнес:

– Задавайте свои вопросы, изверг!

Последнее высказывание Гуров снова проигнорировал.

– Меня интересует все, что вам известно о девушке, умершей на операционном столе.

– Влад почти не говорил об этом, – ответил Шепелев.

Фраза прозвучала так фальшиво, что Лев сразу все понял и мягко заметил:

– Не стоит врать. Ваш друг мертв, и вряд ли то, что вы знаете о той операции, навредит ему. Рассказывайте, Роман, я жду.

Какое-то время Шепелев молчал, собираясь с мыслями, потом заговорил:

– Допустим, я что-то знаю. Допустим, я поделюсь с вами тем, что знаю. Как вы собираетесь распорядиться информацией?

– Да вы, никак, торгуетесь, Роман? – усмехнулся Гуров.

– Не торгуюсь. Всего лишь пытаюсь защитить имя погибшего друга. Разве это предосудительное желание? – с вызовом заявил Шепелев.

– Пожалуй, нет. Хорошо, я успокою вашу совесть. Старые грехи вашего друга интересуют меня постольку, поскольку могут вывести на его убийцу. Есть вероятность, что с ним свел счеты кто-то из родственников умершей девушки. Эту версию я сейчас и отрабатываю. Я раскрыл свои карты, очередь за вами. Как думаете, в данном контексте есть смысл рассказать мне правду?

– Влад не был виновен в смерти девушки, – тихо произнес Шепелев. – Да, он брал деньги за операции. Более того, он намекал родственникам тех, кого собирался оперировать, чего ожидает от них. Намекал на то, что успех операции во многом зависит от их материальных вливаний. На его счет, разумеется. Но в данном конкретном случае он был чист. У девушки не было шансов. Ни одного. Так сказал Влад. И, между прочим, он горько переживал ее потерю. Правда.

– Охотно верю, – кивнул Лев. – Только вот мне кажется довольно сомнительным, что родственники умершей пациентки не получали от него привычного Дрозинскому предложения «позолотить ручку».

– Да говорю же вам, там был безнадежный случай. Зачем было Владу подставляться? Он далеко не дурак. Если чувствовал, что операция может закончиться не лучшим образом, никогда свой трюк не проворачивал, – горячился Шепелев. – Ему и так денег хватало. Мало ли в нашем районе пациентов с деньгами? Да и из столицы время от времени залетные попадаются. Те, что хотят в тайне операцию сохранить. Родственникам и друзьям объявляют, что уехали в командировку, а сами сюда.

– В прессе писали нечто другое, – заметил Гуров.

– Вы верите журналистам? Да ведь им только сенсацию подавай. Ухватились за Влада, и давай трясти. Это все из-за гадины одной.

– А конкретнее?

– Была у Влада одна пациентка, Тамара, фамилии не помню. Влад называл ее не иначе, как псевдоцарица или жирная корова. Она как раз из Москвы прикатила. Ей предстояла операция, что-то совсем незначительное. Так она потребовала от Влада, чтобы он то ли желудок ей ушил, то ли вшил что-то, чтобы она стройной стала. Влад зарядил сумму, которую та потянуть не смогла, вот она и взъелась. Это Тамара натравила на Влада журналюг, точно вам говорю. Может, и убийство его она подстроила. Навестите ее, сами все узнаете.

– Когда оперировалась Тамара, вы помните? – спросил Гуров.

– Где-то с полгода назад. Зимой.

– Что-то еще можете добавить?

– Вряд ли. Она это, точно вам говорю. Она, паскуда, Влада загубила. Ради тощей задницы человека убила! – Роман опустил голову на руки и разрыдался пьяными слезами.

Гуров выложил на стол визитку с номером своего телефона и, не прощаясь, вышел из квартиры.

Прежде чем пускаться на поиски псевдоцарицы Тамары, он решил встретиться с родственниками умершей пациентки Дрозинского. Проживали они в том же городке, что и Влад. Дорога заняла не больше десяти минут. Частный дом. Покосившийся забор вокруг палисадника, собака на привязи. Жилище скромное, если не сказать бедное. У калитки звонка не было. Несколько минут он стучал в калитку в надежде, что кто-то в доме его услышит. Собака на стук не реагировала. Сидела себе возле конуры, виляя хвостом, и не издавала ни звука. Отчаявшись дождаться хозяев, Лев просунул руку в щель, нащупал щеколду и, отодвинув ее, оказался во дворе. Пока он шел до крыльца, собака продолжала дружелюбно вилять хвостом.

– Есть кто дома? – Гуров несколько раз стукнул по оконной раме возле крыльца.

Ему не ответили. Тогда он поднялся на крыльцо, дернул дверь. Та оказалась незапертой. Пройдя темные сени, Лев снова окликнул хозяев:

– Добрый день, есть кто?

– Чего горланишь? – донеслось вдруг из дальней комнаты. – Проходи, коли по делу.

Он пошел на звук. Остановившись возле закрытой двери, осторожно приоткрыл ее. На старом диване под грудой одеял лежал мужчина. На бледном лице выделялись только глаза, да и те светились тоской.

– Здравствуйте, простите, что побеспокоил, – начал Лев. – Я ищу родственников Ирины Пусовой.

– Поздно спохватились, – вяло произнес мужчина. – Ирочки давно нет в живых.

– Но вы-то еще живы, – заметил Гуров. – Так зачем хоронить себя заживо?

– Какое вам до меня дело? – вспыхнул мужчина, впервые выказывая скрывающиеся за тусклым взглядом эмоции. – Ирочка мертва, и обсуждать это я ни с кем не собираюсь.

– Вы – ее отец? – спросил Лев, подходя ближе к постели.

– Допустим. Это что-то меняет?

– Сегодня утром в лесополосе было найдено тело хирурга, оперировавшего вашу дочь. Его убили. Вам об этом что-то известно?

– Что? Что вы сказали! – приподнялся на локтях мужчина. – Этот подонок мертв? Чудесная новость! Лучшая за последние месяцы!

– Ваших рук дело?

– А если бы и моих, так что? – с вызовом посмотрел на Гурова мужчина. – Умер подонок, туда ему и дорога. Хотите арестовать меня? Пожалуйста! Сопротивляться не стану. Мне все равно недолго осталось. Без Ирочки мне жить незачем. Я готов пойти хоть на электрический стул, раз моя мечта осуществилась. А тот человек, что сотворил возмездие, пусть наслаждается свободой. Я буду только рад.

– Вы понимаете, что все родственники Ирины теперь под подозрением? Ваше ложное признание ничего не даст. Если к смерти Дрозинского вы не имеете отношения, мы будем вынуждены искать дальше.

– А вы не ищите. Берите меня, я признаюсь во всем, – заявил мужчина.

– Хорошо, давайте начнем. Как вы убили Дрозинского?

– Убил и убил. Как положено.

– Где это произошло?

– Вы же сами сказали, в лесополосе. Я заманил его туда и убил.

– Восемь колотых ран в брюшную полость, не многовато ли для мести? – попытался Лев остановить этот фарс.

– Было бы время, и двенадцать бы нанес, – немного опешив, заявил мужчина. – Восемь – это еще мало.

– Он истек кровью у вас на глазах? Вы убедились в том, что он мертв, прежде чем бросить его в овраг?

– Конечно, убедился. Оставался с ним до последнего вздоха. Потом сбросил в овраг.

– Все понятно, – проговорил Лев и, развернувшись, направился к двери.

– Куда это вы? – растерялся мужчина. – Вы должны арестовать меня! Я убил Дрозинского! Вы не можете вот так просто уйти!

– Еще как могу, – через плечо бросил Гуров. – Дрозинский умер не от колотых ран. На его теле вообще не было ни одной раны.

– Тогда отчего же он умер? – воскликнул мужчина. – Вы должны мне сказать!

– Он задохнулся. Неизвестный обмотал его лицо пищевой пленкой. Кислород перестал поступать в легкие, и он умер от удушья. Вот такая жестокая смерть, – заключил Гуров и вышел из дома.

Он успел спуститься с крыльца и пройти половину пути до калитки, когда в дверях появился отец Ирины.

– Стойте, не уходите! – закричал он. – Я хочу сознаться. Хочу взять вину на себя. Вам же нужно раскрыть это дело? Так я готов.

– Зачем вы это делаете? Прикрываете кого-то из родственников? – устало спросил Лев. – Напрасно. Я все равно буду искать его. А найдя, отдам под суд.

– Послушайте, не нужно никого искать. Дрозинский получил по заслугам. – Мужчина догнал его и ухватился за рукав, не давая покинуть двор. – К чему эти поиски, к чему разборки? Я могу дать вам то, что вы хотите.

– Я хочу справедливости, – высвобождая рукав, ответил Гуров. – Спрашиваю еще раз: кого вы выгораживаете? Сына? Брата? Жениха Ирины?

Услышав последний вопрос, отец Ирины вздрогнул.

– Значит, жених! – вздохнул Лев. – Где я могу его найти? Только не говорите, что не знаете, где он живет. Все равно не поверю.

– Не трогайте его, – взмолился отец Ирины. – Он хороший парень, в других обстоятельствах он и мухи не обидел бы. Он очень сильно любил Ирочку, он сам не ведал, что творил.

– Почему вы так уверены, что Дрозинского убил именно жених Ирины? Он обсуждал с вами свои планы?

И снова отец Ирины не сумел сдержать эмоции. Глаза его выдали.

– Значит, он приходил к вам сюда и обещал расправиться с хирургом, – заключил Гуров. – Где он живет? Говорите, иначе мне придется арестовать вас.

– Мельничная, восемь, – едва слышно проговорил мужчина. – Имейте в виду, я предупрежу его. Вам его не поймать.

– Посмотрим, – уже выйдя за ворота, бросил Лев.

Глава 3

В Вишняково улицы с названием Мельничная не нашлось. Словоохотливый дед, к которому Гуров обратился за помощью, сообщил, что такая улица есть в Электростали, и он поехал обратно. По дороге ему позвонил Крячко. Его встречи с бывшими любовницами Дрозинского, как и с его коллегами, не принесли никакой пользы. Владелец «Клуба здоровья» тоже ничем не порадовал. Вспомнить о визите Дрозинского он вспомнил, но на этом их знакомство и закончилось. Светлана Акиншина, последняя возлюбленная Влада, была настолько зла на него, что и после смерти готова была обвинить во всех смертных грехах. Считать подобного свидетеля объективным было нельзя, потому разговор со Светланой Крячко поспешил свернуть. К моменту звонка он обошел всех свидетелей и мечтал только об одном: чтобы Гуров поскорее вернулся и забрал его из клиники. Но Лев друга не обрадовал. Пока не отыщет друга Ирины и не пообщается с Дмитрием Оскобинцевым, на его возвращение Стас может не рассчитывать, заявил он.

Время близилось к вечеру. Поджидая напарника, Крячко решил перекусить. Недалеко от больницы, на перекрестке, располагалось довольно уютное кафе. Выбрав столик возле окна, он заказал свиную отбивную с жареным картофелем, и пока повар выполнял заказ, успел изучить каждого посетителя. То ли время было выбрано неурочное, то ли в областных городках к услугам кафе прибегали только по большим праздникам, но аншлагом в заведении и не пахло. Три девицы, не достигшие совершеннолетия, супружеская пара, ближе к тридцати, пожилой джентльмен и сам Крячко. Девицы щебетали о своем девичьем, стреляя глазками в бармена. Семейная пара ужинала чинно, точно старомодная английская чета, попавшая в наши дни из далекого восемнадцатого века. А вот джентльмен был явно не прочь пообщаться. Кроме Стаса, подходящих кандидатов на беседу в кафе не было, оттого-то пожилой джентльмен, не смущаясь, перебрался за его стол.

– Составите компанию? Овсяная каша на воде и пополам с беседой гадость-гадостью, а в одиночестве просто неперевариваемая, – плюхнув перед собой ополовиненную тарелку, проговорил пожилой джентльмен и представился: – Платон Константинович, бывший врач, ныне почетный пенсионер в отставке.

– Стас Крячко. – Сам изнывая от скуки, Крячко был не против компании. – Давно не практикуете?

– Больше десяти лет, – ответил Платон Константинович и принялся уничтожать кашу.

– Скучаете по профессии? – поддержал разговор Стас.

– Ничуть. Нашлась более интересная альтернатива. Хотите, открою вам страшную тайну?

– Рискните. – Разговор начал забавлять Крячко.

– Иногда мне кажется, что в молодости я выбрал не ту профессию, – переходя на театральный шепот, заявил Платон Константинович. – Мое новое хобби приносит мне куда большее удовлетворение. Знай я об этом раньше, бросил бы медицину, не задумываясь.

– Что за хобби? – спросил Крячко, но ответа получить не успел, так как в этот момент от барной стойки подали сигнал – его заказ был готов.

Пока Стас ходил за подносом, его собеседник успел расправиться с кашей. Поставив поднос на стол, Крячко чуть помедлил, прежде чем сесть, и указал глазами на отбивную:

– Есть смысл предлагать вам что-то более существенное?

– Увы, друг мой, данные удовольствия мне уже недоступны, – с притворной печалью в голосе ответил Платон Константинович. – Да вы не смущайтесь, ешьте в свое удовольствие, а я чайком вас поддержу. Зеленый чай здорово тонизирует. Вот еще одно открытие, сделанное мной по уходе на пенсию. Столько лет травиться литрами кофейного суррогата, вместо

того чтобы наслаждаться идеальным напитком! Предпочитаю данный напиток с мятой, но в этом заведении так не подают.

– А мне больше по душе классика. Все эти новомодные белые да зеленые чаи просто баловство, – заявил Стас. – Чай должен быть чаем, хлеб – хлебом, а мясо – мясом.

– Как ваша отбивная? – рассмеялся Платон Константинович. Смех его звучал на удивление молодо. – Ах, молодость, молодость! Когда-то я поддержал бы вас в вашем заблуждении. И не смотрите на меня так, будто я из ума выжил. Возможно, мужчину ваших лет и не принято называть молодежью, но ведь и я не мальчик-подросток. Для меня вы все еще молоды. Так уж устроена жизнь: всегда найдется кто-то, кто посчитает вас недостаточно возмужавшим для определенных вещей. Чудесное свойство времени, вы не находите?

– А как же совсем дряхлые старики? Уж их-то поучать некому, – возразил Крячко.

– И в этом я с вами не соглашусь. Их-то как раз поучает столько народу, что младенцам не снилось. – Платон Константинович бросил беспокойный взгляд за окно и продолжил: – Поучают дети, сами достигшие преклонных лет. Поучают внуки, успевшие нарожать собственных детей. Поучают дети внуков, полагая, что такая старая развалина, как прадед, в принципе не может самостоятельно мыслить. И так до бесконечности. Все поучают, командуют, требуют.

Платон Константинович отставил стакан с чаем и потянулся за плащом. Крячко перевел взгляд за окно, куда так пристально смотрел его новый знакомый. На противоположной стороне улицы, возле больничного крыльца, начал собираться народ.

– Что там происходит? – спросил он.

– Скоро начнется представление, – возбужденно произнес Платон Константинович. – Охваченная нетерпением толпа ждет выхода актеров. Действие второе: интригующее.

– О чем вы? – не понял Станислав. – Какое представление?

– Главврач покидает убежище, – пояснил Платон Константинович. – Сейчас начнется. Простите, друг мой, вынужден вас покинуть, иначе рискую пропустить самое интересное.

Он перебросил плащ через руку, надел шляпу и устремился вон из кафе. Крячко с сожалением взглянул на недоеденный ужин, махнул рукой и поспешил за ним. У больничного крыльца народу собралось прилично. По приготовленным камерам и микрофонам Стас понял, что это журналисты. Платон Константинович успел пробраться в первые ряды. Вооружившись диктофоном, он ждал начала шоу, лицо его выражало неподдельный восторг. «Так вот какое хобби приносит старику радость. Бывший лекарь переквалифицировался в работника пера», – подумал Крячко. Он собирался пройти в больницу и предупредить главврача об организованной засаде, но не успел. Тот уже показался в дверях в сопровождении Вероники Степановны. Вид у последней был воинственный.

Толпа рванула вперед. Защелкали фотокамеры, загудели голоса:

– Господин Бобров, правда ли то, что смерть господина Дрозинского связана с его незаконной деятельностью?

– Вакансия доктора уже занята?

– Родственники погибшего предъявили обвинение клинике?

– Геннадий Владимирович, скажется ли трагедия на финансовом состоянии больницы?

Нахмурив брови, Бобров пытался пробиться сквозь толпу журналистов. Вероника Степановна к собравшимся тоже была настроена агрессивно. Опередив Боброва, она выставила вперед грудь и с вызовом заявила:

– Немедленно разойдитесь, это территория лечебного заведения! Вы нарушаете покой пациентов!

– Скажите, вам не страшно покидать стены больницы? Ведь вполне вероятно, что маньяк все еще где-то рядом, – подскочив к ней вплотную, выкрикнул худощавый журналист.

– Почему мне должно быть страшно? Вполне очевидно, что смерть доктора Дрозинского не что иное, как чудовищная случайность, – позабыв о первоначальном намерении осадить обнаглевших журналистов, а не вступать с ними в дискуссию, заявила Вероника Степановна. – С работой хирурга в нашей больнице она никак не связана.

– Откуда такая уверенность? – не унимался худощавый. – Или у вас появились новые сведения? Я слышал, что сегодня в наш город прибыли следователи из столицы. Не думаю, что они стали бы тратить время на наш городок, не будь дело исключительно серьезным.

– А вот вы у них и спросите. – Вероника Степановна заметила в толпе полковника Крячко и, не смущаясь, перенаправила неуемное любопытство журналистов на стража порядка: – Среди нас находится сотрудник полиции, у него и спросите.

Обличающим перстом она указывала на полковника. Внимание журналистов тут же перенеслось на Крячко.

– Товарищ полковник, вы готовы поделиться результатами расследования?

– Подозреваемые уже задержаны?

– Готовы ли вы подтвердить, что в области орудует маньяк?

– Как маньяк вышел на Дрозинского?

– Правда ли, что данное убийство является лишь эпизодом в серии убийств, совершенных одним и тем же человеком?

– Сколько жертв на его совести?

– Какие меры принимаются для того, чтобы защитить жителей области от рук серийного убийцы?

Вопросы сыпались на Стаса, как горох из прохудившегося мешка. Его недавний сотрапезник, Платон Константинович, вырвался вперед. Он был раздосадован тем, что упустил возможность получить эксклюзивное интервью, и теперь старался за троих.

– Убийца на свободе, а наши доблестные стражи порядка наслаждаются парной свининой, – едко проговорил старик. – Вам не кажется, что для трапезы время несколько неподходящее?

– Успокойтесь, господа! – поднявшись на верхнюю ступеньку, попытался овладеть ситуацией Станислав. – О действиях преступника говорить пока рано, как и делать какие бы то ни было официальные заявления. Уверяю вас, расследование идет в штатном порядке. Как только ситуация прояснится, мой непосредственный начальник выступит с заявлением. Пока же рекомендую воздержаться от громких заголовков.

– Общественность имеет право знать, убийство доктора Дрозинского не единичный случай? – Платон Константинович будто не слышал слов полковника. – Вы уже выяснили, как связана смерть фермера из Орехово-Зуево с этим убийством?

– Еще раз повторюсь: в интересах следствия информация о проводимом расследовании не может быть разглашена, – повысив голос, заявил Крячко, но слова его потонули в новом потоке вопросов.

– Фермера убили тем же способом, что и доктора Дрозинского, этого вы отрицать не можете. У вас есть подозреваемый?

– Правда, что убийца выбирает свои жертвы спонтанно? Любой житель может стать объектом его больной психики?

– Правда ли, что подобных убийств гораздо больше двух, а власти скрывают истинное положение вещей?

Стас слушал вопросы, стараясь держать себя в руках. Его раздражала бесцеремонность писак. Поднимая ажиотаж вокруг убийств, они, сами того не ведая, могли подстегнуть человека с неуравновешенной психикой, каким Крячко видел убийцу, к продолжению начатого. Ему ведь только этого и надо, чтобы все говорили только о нем.

– Полагаю, чем больше вы будете мусолить данный инцидент в прессе, тем больше шансов на то, что убийца захочет повторить совершенное ранее, – как можно спокойнее произнес он. – Закрепить успех, так сказать. Не дайте ему такой возможности. Постарайтесь дождаться официального уведомления, прежде чем начнете строчить новые статьи.

– Но ведь он и так не остановится, – заявил один из журналистов. – Это ясно из записок, которые он оставляет на телах жертв. Разве цифры, указанные в них, не показывают нам число запланированных жертв?

После этого вопроса в толпе журналистов воцарилась гробовая тишина. Все ждали ответа. Главврач Бобров, до той поры стоявший в стороне, переминаясь с ноги на ногу, забыл о том, что единственной его целью является как можно быстрее убраться с больничного крыльца. Даже Вероника Степановна подалась вперед, ожидая ответа полковника. Крячко не оставалось ничего другого, как дать правдивый ответ.

– Да, действительно, убийца оставил на теле доктора Дрозинского записку, одной из деталей которой является цифра, но утверждать, что она указывает на количество жертв, опрометчиво. Ведется следствие. Это все, что я могу сказать на настоящий момент. А теперь попрошу очистить больничную территорию. Пресс-конференция окончена. Господин Бобров, позвольте проводить вас до машины.

Ухватив растерянного Боброва за предплечье, Стас потащил его сквозь толпу. Он понятия не имел, на какой машине тот ездит, но в данный момент его интересовало только одно: поскорее убраться с территории больницы. Вероника Степановна оказалась более сообразительной, чем ее шеф, мгновенно сориентировавшись, она опередила Крячко, и теперь указывала дорогу.

– Белый «Шевроле»-седан парковочное место третье справа.

– Двигайтесь живее! – торопил Крячко Боброва. – Нужно уносить отсюда ноги, пока они не опомнились и не увязались за нами.

Добравшись до «Шевроле», он оглянулся. Журналисты провожали их недовольными взглядами, но было не похоже, что они собираются их преследовать.

– Где ключи? – спросил Стас.

– В заднем кармане брюк, – послушно ответил Бобров, все еще пребывая в состоянии прострации.

– Доставайте быстрее! – прикрикнула на него Вероника Степановна. – Ну же, не тупите!

Свободной рукой главврач покопался в кармане и вытащил ключи. Крячко тут же выхватил их. Нажал кнопку, отключающую сигнализацию. Фары моргнули, замки открылись. Он распахнул дверь пассажирского сиденья, впихнул туда главврача, быстро обежал капот и занял водительское место. Вероника Степановна устроилась сзади.

– Быстрее, едем! – скомандовала она.

Повторять команду не пришлось. Крячко плавно выжал сцепление, и машина выехала с парковки. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Стас удовлетворенно улыбнулся. Журналисты все еще были на крыльце. Преследовать их действительно никто не собирался. Два квартала проехали в полном молчании. Постепенно Бобров пришел в себя и даже позволил себе высказаться:

– Что за наглый народ эти журналисты! И что им только от нас нужно?

– Сенсации, чего же еще, – пожал плечами Крячко. – Это их хлеб.

– Следовало бы вызвать наряд. Устроили несанкционированный митинг, понимаешь ли. Да за такое и под арест загреметь можно!

– Что же вы не вызвали? – съязвила Вероника Степановна. – Стояли как истукан. Если бы не я, вам бы от них до утра не отделаться. В кабинете ночевать пришлось бы.

– Между прочим, вы тоже вели себя, мягко говоря, не особо корректно, – заметил Стас, сбавляя скорость. – Взяли и сдали меня со всеми потрохами. Хорош поступок, ничего не скажешь.

– Это была вынужденная мера, – не смутившись, ответила Вероника Степановна. – И потом, вы все-таки полицейский. Ваша обязанность защищать штатских. Вот вы и защитили, чем же недовольны?

– О, я доволен, еще как доволен! – хохотнул Крячко. – Сцепился с журналистами, укатил из больницы, вместо того чтобы дожидаться там полковника Гурова. Мы, между прочим, договорились встретиться там. Где его теперь ловить?

– Разве у вас нет номера его телефона? Позвоните, назначьте новое место встречи. Велика проблема! – фыркнула Вероника Степановна. – Вот доставите нас до дома и отправляйтесь куда хотите.

– А ваш шеф прав: корректностью вы не отличаетесь. Босса отругали, меня отчитали. Кстати, где ваш дом? Мы уже добрых двадцать минут по городу колесим. Пора бы определиться с маршрутом.

– Сначала отвезете меня, – игнорируя гневный взгляд главврача, до которого наконец дошло, что зам не просто задвинула его на задний план, но еще и унизила прилюдно, проговорила Вероника Степановна. – Я живу в трех кварталах отсюда. Второй поворот налево. Потом проедете еще пару кварталов и окажетесь возле дома Геннадия Владимировича.

– Ладно, будь по-вашему, – согласился Крячко, поняв, что со стороны Боброва возражений не предвидится. – В конце концов, вы оказали мне услугу, – намекнул он на то, как быстро Вероника Степановна отреагировала на его действия, в отличие от главврача.

– Хорошо, что вы это понимаете, – спокойно проговорила Вероника Степановна. – И раз уж вы у меня в долгу, может, расскажете про те цифры, о которых говорил журналист? У маньяка действительно имеется список будущих жертв?

– Это лишь теория журналиста, не более того, – поморщился Крячко. Ему не хотелось признаваться в том, что данный аспект дела они с Гуровым обсудить еще не успели и какой-то журналист опередил их.

– Надеюсь, вы понимаете, что мой вопрос продиктован не праздным любопытством, – заметила Вероника Степановна. – Я опасаюсь, что в его словах есть доля правды. Если так, наши с Геннадием Владимировичем жизни под угрозой. Кто знает, что замышляет маньяк? Вдруг он решит убивать всех, кто так или иначе связан с работой больницы? Тогда нам нужна охрана. Сможете вы обеспечить нашу безопасность?

Услышав слова помощницы, главврач заерзал на сиденье и, покосившись на Крячко, осторожно поинтересовался:

– Действительно, смогут ли местные власти обеспечить нас охраной? Вы должны посодействовать в этом.

– Да бред все это! – воскликнул Стас, но уверенности в его голосе не было. – Не станет убийца разгуливать возле места преступления.

– Это если не мы его очередные жертвы. – Вероника Степановна отступать не собиралась. – Позвоните своему начальнику. Пусть он подтвердит, что нам ничего не грозит, тогда мы успокоимся. Пока у нас есть только ваши голословные заверения, а мы уже успели убедиться в том, что лично вы не можете оградить нас даже от второсортных писак. И не забудьте свернуть налево на следующем перекрестке. Мой дом уже близко.

Крячко послушно свернул под зеленый знак светофора, заехал в указанный Вероникой Степановной двор и заглушил мотор. Достав телефон, набрал номер Гурова. Тот ответил почти сразу:

– Стас, я освободился. Буду у больницы через десять минут.

– Не спеши, Лева. Тут кое-что произошло. Ты сейчас где?

– В двух кварталах от больницы. Что у тебя стряслось?

– Все при встрече, – произнес Крячко и обратился к Веронике Степановне: – Как называется эта улица?

– Проезд Дружбы, – ответила она. – Сворачивать с улицы Войсковой.

– Слышал? Я на проезде Дружбы. Включай навигатор и дуй сюда. Подробности при встрече.

– Понял, – коротко проговорил Гуров и отключился.

– И что теперь? – Голос главврача звучал удрученно. – Меня домой вы не доставите?

– Приглашаю вас в гости к Веронике Степановне, – нагло предложил Крячко. – Не на улице же нам общаться.

– Меня жена дома ждет, волнуется, – скривился Бобров.

– Так в чем дело? Позвоните ей и предупредите, что задерживаетесь.

– Вообще-то я еще не дала согласие, – буркнула Вероника Степановна.

– Значит, мы явимся к вам без приглашения, – засмеялся Крячко. – Вот только дождемся приезда полковника Гурова.

Долго ждать его не пришлось. Спустя десять минут машина Крячко въехала во двор дома Вероники Степановны. Стас посигналил, привлекая внимание, и Гуров подъехал вплотную. Выйдя из машины, Крячко помахал ему рукой:

– Здравия желаю, товарищ полковник! Не желаешь прогуляться до квартиры Вероники Степановны? Уверен, у нее найдется что-нибудь перекусить. Ведь так, гражданка? – с усмешкой посмотрел он на помощницу главврача.

– Если это действительно необходимо, – пожала та плечами.

– А вы как думаете? Мы с утра в разъездах, голодные как черти. Не станете же вы обрекать нас на голодную смерть?

– Послушайте, машина у вас теперь есть. Вероника Степановна у своего дома. Быть может, я вам больше не нужен? – заискивающим тоном произнес Бобров. – Я уже вполне оправился и смогу сам доехать до дома.

– А как же требование о защите? – усмехнулся Стас. – Или вы уже передумали?

Бобров тут же замолчал. Идея обзавестись охраной показалась ему куда важнее, чем беспокойство жены. Пока поднимались на третий этаж в квартиру Вероники Степановны, Бобров успел созвониться с женой и предупредить о задержке. Гуров в недоумении слушал слова главврача о необходимости охраны, но, не владея ситуацией, помалкивал. Когда все четверо оказались за закрытыми дверями, Вероника Степановна на правах хозяйки снова принялась командовать:

– Обувь снимайте, тут вам не Европа, асфальт не моют. Прямо по коридору ванная комната. Можете помыть руки по очереди. По комнатам не шататься, сразу на кухню. Посмотрю, чем можно вас накормить.

На этот раз возражений от мужчин не последовало. Все дружно сняли обувь и гуськом направились в ванную. После того как водные процедуры были закончены, компания собралась на кухне. Вероника Степановна за это время успела накрыть на стол. Нехитрая трапеза состояла из рыбных консервов, бутербродов с колбасой и банки консервированных томатов. На плите шкворчала яичница. На столе дымился чайник.

– Чем богата, – пробурчала она. – Изысков не держу.

Отказываться от скромной трапезы никто не собирался. Вероника Степановна разложила яичницу по тарелкам и жестом предложила незваным гостям приступать. Оголодавшие мужчины набросились на угощение. Пока последний бутерброд не исчез в желудке полковника Крячко, никто не проронил ни слова. Только когда очередь дошла до чая, Гуров спросил у него:

– Почему отменил встречу в больнице?

– Пришлось убираться оттуда, – объяснил Стас. – Нагрянули журналисты, и их назойливость не оставила нам выбора. Хорошо, что Вероника Степановна оказалась так любезна, что предложила свою квартиру как идеальное место встречи.

– Журналисты? Что им было нужно? – нахмурился Лев.

– Хотели знать все о маньяке, – хохотнул Крячко. – Вероника Степановна посчитала несправедливым то, что разбираться с бумагомарателями приходится ей одной, и выдала им меня как главное блюдо.

– Откуда они вообще узнали про убийство?

– Откуда они вообще все узнают? – пожал плечами Стас. – Сорока на хвосте принесла.

– Утечка информации – дело обычное в наших краях, – заметила Вероника Степановна. – Наш городок, по сути, большая деревня, а в свете последних событий личность Дрозинского входит в число главных сенсаций.

– Журналисты местные? – уточнил Гуров.

– В основном столичные, – авторитетно заявила Вероника Степановна. – У нас тут с журналистами негусто.

– А конкретнее?

– Есть пара-тройка писак, так сказать, местного розлива. Пробавляются случайными заработками. Для них это скорее хобби, нежели статья дохода. Занимаются крючкотворством больше для удовольствия, а не ради денег.

– Как мой новый знакомый Платон Константинович? – спросил Крячко.

– Именно так. – Вероника Степановна слегка удивилась. – А вы его откуда знаете?

– Случайная встреча в кафе. Так, значит, он и есть ваш местный журналист? Скорее всего, он и сообщил столичным о назревающей сенсации. Не знаете, на какое конкретно издание он работает?

– Как не знать? – Вероника Степановна впервые улыбнулась. – В Электроуглях нет ни одного человека, кому бы Платон Константинович не сообщил, что он теперь репортер в газете «Ни слова лжи», редактором которой является видный деятель столицы.

– Это не в вашей больнице он раньше работал? – осенила Крячко внезапная догадка. – Его место занял Дрозинский?

– Совершенно верно, – подал голос главврач. – Раньше он работал в больнице, лечил людей, а теперь вот занялся этой мерзостью.

– Почему же сразу мерзостью? Разве его статьи настолько бездарны? – Стас постарался скрыть улыбку, чтобы не раздражать Боброва.

– Да ведь это он виновен в тех обвинениях, что были выдвинуты против Дрозинского, – сердито произнес Бобров. – Статью писал другой человек, но я уверен, продал информацию именно Платон.

– А вот это уже интересно, – не совсем понимая, о ком идет речь, проговорил Гуров. – Попрошу с этого места поподробнее.

– Ведь дело против Дрозинского возбудили родители погибшей девушки, разве нет? – вторил ему Крячко.

– Все так, только не сунь свой нос Платон в это дело, все бы закончилось местным разбирательством, – заявил Бобров. – Это он натравил на нашу больницу московских журналистов. Потому дело и приняло такой масштаб.

– Все это домыслы, – решительно оборвала главврача Вероника Степановна. – И у вас, Геннадий Владимирович, нет абсолютно никаких доказательств причастности к этому скандалу Платона.

– И пускай нет! – Бобров внезапно рассердился. – Мне они и не нужны, я не в суде выступаю. Впрочем, как знаете. Меня это вообще не волнует. Что меня действительно бес-

покоит, так это моя безопасность. Моя и моей семьи. Скажите, товарищ полковник, что вы собираетесь предпринять, чтобы защитить нас от маньяка?

Вопрос был адресован Гурову. Тот в недоумении перевел взгляд на Крячко, и тот, пожав плечами, заявил:

– У Вероники Степановны возникла любопытная теория. Что, если убийца решил охотиться на тех, кто, так или иначе, был причастен к реабилитации доктора Дрозинского в расследовании смерти девушки? Она решила, что кто-то из ее родственников или знакомых задумал расправиться с ними. Ведь они помогли Дрозинскому избежать расплаты.

– Это исключено, – уверенно произнес Лев. – Сегодня я общался с ее отцом. Он к смерти Дрозинского не имеет никакого отношения, сомнений в этом быть не может. Между прочим, он был уверен в том, что с Дрозинским свел счеты бывший жених погибшей Ирины. Собственно, из-за этого я и задержался. Встречался с ее женихом.

– И что? – в один голос спросили Крячко и Вероника Степановна.

– Пусто. Жених Ирины имеет железное алиби. В день убийства Дрозинского он был в ста пятидесяти километрах отсюда. Оказалось, он работает в фирме по распространению какой-то там экологически чистой продукции. Работа связана с командировками. Парень вернулся в город за три часа до нашей встречи. Имеются свидетели.

– Его алиби подстроено! – оживился Бобров. – Что ему стоит уговорить напарника подтвердить свои слова? Вы бы покопали под него более тщательно. Наверняка найдете опровержение его словам и словам его приятеля.

– Все не так просто, – заметил Гуров. – Работа жениха Ирины связана с общением с клиентами. Он бы не стал так глупо врать, не будь уверен, что клиенты подтвердят его алиби. Впрочем, я все же созвонился с полицейским участком того городка, где был жених Ирины. Жду ответа, но, повторюсь, я уверен – убийца не он. Что касается вашей безопасности, тут вы, пожалуй, правы, есть смысл поберечься. Сегодня же свяжусь с местным полицейским участком и попрошу, чтобы вам выделили охрану. Такой вариант вас устроит?

Бобров и Гойтич согласно кивнули.

– Раз с этим вопросом разобрались, перейдем к следующему, – продолжил Гуров. – В разговоре с соседом Дрозинского всплыло имя одной из его пациенток. Недовольных пациенток. Мне нужны ее координаты.

– О ком идет речь? – поинтересовался Бобров.

– Некая Тамара. Столичная дама крупных размеров. Это все, что мне о ней известно.

– Все понятно, – тяжело вздохнул главврач. – Речь идет о Тамаре Хейленгорт. Вам она наверняка тоже известна. В прошлом оперная певица.

– Почему в прошлом? Она в преклонном возрасте?

– Отнюдь. Дама зрелая, но до старости ей еще ой как далеко. Если мне не изменяет память, ей чуть больше сорока. Продолжать карьеру оперной дивы у Тамары не получилось по состоянию здоровья. Слишком увлеклась кулинарией, набрала вес, отчего не смогла выступать, и ее из театра попросили.

– Сколько же килограмм она набрала, чтобы получить от ворот поворот? – заинтересовался Крячко.

– Ни много ни мало восемьдесят кило, – объявил Бобров. – К нам она приехала, имея вес сто шестьдесят килограммов. Дрозинскому предстояло провести простую операцию на желудке, но она потребовала ушить его. Невежественная в медицинских вопросах женщина решила, что Дрозинскому достаточно будет поставить ей на определенном участке желудка маленькое кольцо, и вес уйдет, как по мановению волшебной палочки. Она так ему и сказала: из операционной я должна выйти стройной. Дрозинский ей отказал.

– Я слышал другое. Дрозинский потребовал за операцию кругленькую сумму, которую Тамара собрать не смогла. Отсюда и недовольство, – заметил Лев.

– Вздор! Владислав сам пришел ко мне и сообщил о настойчивом желании пациентки получить медицинскую помощь, минуя общие правила. Ко мне она даже не пришла, – возразил Бобров.

– Почему вы считаете, что после неудачи с Дрозинским Тамара должна была прийти к вам?

– Потому что все недовольные пациенты так делают. Тамара же, не получив то, о чем мечтала, просто ушла из больницы. Забрала документы и заявила, что в наших услугах больше не нуждается.

– Как давно это было?

– В декабре прошлого года.

– В больнице сохранились записи?

– Не думаю. Пациентка от медицинской помощи отказалась, следовательно, и карту ее хранить незачем, – покачал головой Бобров.

– И все же проверить не помешает. Мне нужен ее адрес. Можете связаться с дежурным врачом и попросить его выяснить, имеется ли в больнице карта на Тамару?

Бобров сделал то, о чем просил полковник. Гурову повезло, карта Тамары нашлась, причем довольно быстро. Пяти минут не прошло, а он уже стал обладателем адреса, по которому была зарегистрирована Тамара Хейленгорт. Записав данные, Гуров дал знак Крячко, что пора закругляться.

– Пойдемте, Геннадий Владимирович, нам пора. Незачем злоупотреблять гостеприимством дамы, – поднялся Станислав.

Из квартиры Вероники Степановны Гуров вышел первым. За ним следовали Крячко и Бобров. Как только все трое оказались на лестничной площадке, Вероника Степановна заперлась на все замки, пообещав не выходить из дома до тех пор, пока с ней не свяжутся из местного отдела и не пришлют охрану. Ехать в Верею, на место первого преступления, было уже поздно. Ночевать в деревеньке, где и гостиниц-то наверняка нет, ни Гурову, ни Крячко не улыбалось. А вот на встречу с бывшей певицей они еще успевали. Сдав Боброва с рук на руки жене, полковники поехали обратно в столицу.

Глава 4

Была глубокая ночь, когда Гуров добрался до своего дома. В прихожей горел свет. Дверь в спальню была приоткрыта. Видимо, Мария, супруга Гурова, боялась пропустить момент его возвращения, но, так и не дождавшись, уснула. Заглянув в спальню, Лев полюбовался на спящую жену и, плотно прикрыв дверь, прошел в кухню. Есть не хотелось. Он вскипятил чайник, наполнил чашку горячим чаем и устроился возле окна. Подумать было о чем. Информация, полученная за день, требовала осмысления и систематизации.

Встреча с Тамарой Хейленгорт прошла не так гладко, как он рассчитывал. Оперную диву они не застали. Правда, удалось разговорить соседку, выползшую на лестничную площадку в тот же миг, как только палец Крячко вдавил кнопку дверного звонка. Словоохотливая соседка рассказала, что Тамара на выезде. Что это значит, тоже узнали от соседки. Оказалось, Тамара вернулась в профессию, но в несколько иной форме. Она теперь давала сольные концерты на частных вечеринках. Где именно Тамара выступает сегодня, можно узнать у Эдика, ее импресарио, которым она обзавелась месяца три назад. На взгляд соседки, Эдик был прощелыгой и мошенником, но Тамара в нем души не чаяла. Еще соседка предположила, что по совместительству Эдик выполняет роль любовника, так как проживает теперь у Тамары. Крячко удалось уговорить соседку дать им номер телефона импресарио. Позвонив, он выдал себя за потенциального клиента и настоял на немедленной встрече, сославшись на то, что должен увидеть певицу в деле, прежде чем предлагать ее кандидатуру своему клиенту. Гонорар Крячко пообещал такой, что Эдик тут же выдал адрес и предложил приехать, чтобы обсудить детали.

Юбиляр, заказавший выступление Тамары, проживал в области, от Москвы порядка восьмидесяти километров. Тем не менее Гуров и Крячко поехали туда, ведь не факт, что после выступления новоиспеченная пара вернется сразу домой. Чем ждать под дверью, лучше потратить время на дорогу. В поселок они въехали около десяти и практически сразу попали на концерт. Как оказалось, вечеринка проходила под открытым небом, благо погода позволяла. Столы были накрыты прямо на центральной площади, возле здания администрации. Там же было сооружено подобие сцены для выступления певицы. Ее Гуров и Крячко увидели первой. Она на добрый метр возвышалась над толпой. В бордовом бархатном платье дымчатого оттенка. Помада под цвет бархата, и роза в волосах.

Первая мысль, пришедшая в голову Гурова: ошиблись адресом, пропустили нужный поворот и попали в другой поселок. По всей видимости, Крячко подумал о том же. Его лицо выражало недоумение. Удивляться было чему. На сцене стояла высокая женщина, возраст которой не превышал тридцати лет, а ее фигура могла служить эталоном для сотрудниц модельных агентств. Где же жирная корова ста шестидесяти килограммов, разменявшая пятый десяток?

Это был первый вопрос, который полковник Крячко задал Тамаре Хейленгорт, как только выступление закончилось. Ответ оказался прост. Тамаре удалось-таки найти сговорчивого хирурга, который сделал даже больше, чем она просила – вернул ей фигуру за полгода. Правда, отвечать на вопросы Тамара начала лишь после того, как оба полковника предъявили удостоверения и пригрозили в случае отказа оформить певице бесплатный ночлег в «обезьяннике» как личности, препятствующей ведению расследования. Угроза, скорее, возымела действие на ее так называемого импресарио. Как только он узнал, с кем имеет дело, сразу занервничал и буквально заставил Тамару говорить. Гуров решил, что оценка соседки была правильной и у Эдика действительно рыльце в пушку, но копаться в шкафу, разыскивая там скелеты, времени не было, и он довольствовался тем, что Тамара все же заговорила.

Известие о смерти доктора Дрозинского ее нисколько не расстроило. Туда ему и дорога, прокомментировала она. Мерзкий тип, жадный и двуличный, таков был ее вердикт. Причастна ли она к его бедам? Разумеется, нет. Она справилась и без него. Нашла другого хирурга, который не стал драть с нее три шкуры. В декабре легла на операцию, а уже в мае предстала красоткой перед директором театра, в котором раньше работала. Усилий женщины тот не оценил и от места отказал. Месяц певица пребывала в отчаянии. Ради чего все эти жертвы, если петь она все равно не может? И тут на горизонте появился Эдик. Он вернул ей радость жизни, самоуважение и любовь зрителей. О том, что дали их отношения Эдику, певица предусмотрительно умолчала.

На вопрос, кому из журналистов она слила информацию на Дрозинского, Тамара ответить не смогла. Она обратилась одновременно в десяток издательств. В каждом из них ее вежливо и внимательно выслушали, в каждом записали ее рассказ с точностью до точки и в каждом дали один и тот же ответ: тема будет вынесена на рассмотрение редактора. Чем закончилась история, Тамара уже не интересовалась, так как к тому времени нашла того, кто мог помочь ей избавиться от лишних килограммов. Гуров переписал названия тех издательств, которые она смогла вспомнить. На этом беседа закончилась. Гуров и Крячко вернулись в Москву и разъехались по домам.

И вот теперь Гуров сидел на кухне и размышлял. Что важно в этом деле? Самым важным было то, что это уже вторая жертва убийцы. И журналист, бросивший в лицо Крячко вопрос о количестве запланированных жертв, был недалек от истины. Еще записка, оставленная убийцей. Лев выложил на стол копию записки, найденной на теле хирурга. Стандартная офисная бумага, какой пользуются в десятках тысяч офисов. Отпечатанный на принтере рисунок. Английская буква W, заключенная в вопросительный знак. Вместо точки, завершающей написание знака, римская цифра. Четкий, графически выверенный рисунок. Даже красиво. И это, несомненно, послание. Для них, для следователей. Осталось только разгадать его тайный смысл.

Знак вопроса, без сомнения, призывает к разгадке задачи. Угадай, додумайся, домысли. Убийца буквально требует этого. В чем смысл цифры, используемой вместо точки, тоже очевидно. Записка фермера содержит цифру «пять». У хирурга уже цифра «четыре». Это как у Агаты Кристи в романе «Десять негритят», только в упрощенном варианте. Никаких стихов, никаких спецэффектов. Вычеркивай по одному и радуйся, что вычеркнуто не твое имя. Что касается буквы, вариантов может быть множество. Она может быть инициалом убийцы. Решил поставить на жертвах товарный знак, типа подписи художника в углу картины. Почему бы и нет? Правда, в русской традиции редко используется только имя. В сочетании с фамилией – да. В крайнем случае – в сочетании только с отчеством. А тут всего одна буква.

Возможно, убийца пытается привлечь внимание к какой-то проблеме. Это не исключено, в последнее время идейные преступники в моде. Если рассматривать знак в этом ключе, придется проштудировать список популярных английских слов, начинающихся на данную букву. Это можно поручить кому-то из информационного отдела.

Еще один вариант: буква указывает имя главной жертвы. Такую версию тоже нельзя сбрасывать со счетов. Раз убийца озаботился тем, чтобы указать количество предполагаемых жертв, почему бы не предположить, что он укажет и имя своего главного обидчика? Это значит, что новые жертвы неизбежны и время поджимает. Впрочем, время поджимает в любом случае. Ажиотаж, поднятый репортерами, играет на руку убийце. Чем громче будут кричать о преступлении журналисты, тем легче убийце добиться популярности. В этом ли его цель? Вопрос вопросов. В любом случае ответ нужно искать в записке, а у них пока в этом отношении пусто.

Теперь что касается личности имеющихся жертв. Если хирург Дрозинский имеет хоть какой-то вес в обществе, то фермер, убитый первым, не интересен общественности ни с какой стороны. Даже его афера с продажей зараженного скота не тянет больше чем на местную сенсацию, интересную лишь узкому кругу посвященных. Почему оба они оказались в списке убийцы? И как определить имя следующей жертвы? Ответ один: необходимо выяснить, чем они связаны друг с другом.

Что, если эти убийства на самом деле не связаны? Что, если фермера и хирурга убили разные люди, возможно ли это? Теоретически возможно. Допустим, фермера убил рассерженный конкурент. Свел с ним счеты за потерянный скот. Банально придушить обидчика ему показалось недостаточным наказанием, и он решил инсценировать преступление в стиле серийного убийцы. Расправившись с обидчиком, собирался на этом и закончить, но тут в дело вмешался кто-то другой. Прочитав о смерти фермера, тот, кто замышлял убийство хирурга, решил действовать по аналогии. Убить двух зайцев одновременно: расквитаться с обидчиком и отвести подозрение от себя.

Теория сомнительная, особенно если учесть показания единственного подозреваемого по делу убийства Дрозинского. Беседа с женихом Ирины практически убедила Гурова в его невиновности. Парень не врал, это подсказывал весь накопленный опыт. По той же причине была отброшена кандидатура отца девушки. Оба они, и жених, и отец, не убийцы. Отчаявшиеся, раздавленные горем люди – да, но не убийцы. Для подтверждения невиновности жениха требуется дождаться ответа из полицейского участка того городка, где он находился в момент убийства Дрозинского, но это только вопрос времени.

Чай в чашке давно остыл. За размышлениями Гуров совсем забыл о нем. Когда стрелка часов сравнялась с цифрой «три», он поднялся, вылил недопитый чай в раковину, сполоснул чашку и отправился в спальню. Спать ему оставалось меньше четырех часов. С Крячко они условились, что Гуров заедет за ним к половине восьмого, чтобы отправиться в следственный изолятор, где содержали конкурента убитого фермера. Нарушать договоренность Лев не собирался, поэтому все вопросы пришлось отложить до следующего дня.

Станислав поджидал Гурова у подъезда своего дома. Утро было прохладным, и, одетый легко, он встретил машину Гурова с радостью.

– Наконец-то! Я уж думал, ты проспал.

– Не в моих правилах опаздывать к назначенному времени, – проворчал Лев, выруливая на дорогу.

– Намекаешь на мою непунктуальность? Твоя информация давно устарела. Вспомни, когда я последний раз приходил куда-то не вовремя? Не можешь? И не пытайся, не вспомнишь.

– Три дня назад на совещание к генералу. Явился на сорок минут позже и даже толкового оправдания придумать не смог, – улыбнулся Гуров.

– Тот случай не считается. Я был на задании, – возразил Крячко.

– Ага, на секретном. В постели главной свидетельницы, – не выдержав, рассмеялся Лев.

– Это голословное обвинение, где доказательства? – Крячко тоже развеселился. – Предъявите доказательства, товарищ следователь, тогда и поговорим.

– Ладно, кончай балагурить, – посерьезнел Гуров. – Лучше скажи, что думаешь о нашем убийце?

– Психопат.

– Обоснуй.

– Кто же еще станет колесить по области и подвешивать за ноги невинных людей, предварительно обмотав их пищевой пленкой?

– Не такие уж они и невинные, – напомнил Лев. – Фермер – мошенник, а хирург – и вовсе вымогатель, нарушал клятву Гиппократа ради наживы.

– Его вину доказать не удалось, – заметил Крячко.

– Потому что плохо искали, – возразил Гуров. – Дыма без огня не бывает. Приятель Дрозинского почти признался в том, что знал о побочном доходе хирурга.

– И за это его убили? Нет, Лева, тут что-то другое, – не согласился Станислав.

– Про послание есть какие-то мысли? – намекая на записку убийцы, спросил Гуров.

– Красивый антураж, ничего более, – неуверенно ответил Крячко.

– Не думаю. Содержание записки тщательно продумано. Обычно подобные послания оставляют с целью подчеркнуть свою индивидуальность. Чтобы никто не вздумал присвоить себе лавры. Своего рода подпись художника. Я все думал над тем, что обозначает буква. Вариантов несколько, но ни один из них мне не нравится.

– Результаты экспертизы по запискам должны прислать сегодня?

– Да, я распорядился, чтобы мне переслали копию, как только получат документ. Если выяснится, что обе записки отпечатаны на одном принтере, получим доказательство того, что у нас на руках серия.

– А в этом есть сомнения? – удивился Стас.

– Мысли все те же, что и в начале расследования, – признался Гуров. – Убийство фермера могло быть скопировано, тут большого ума не надо. Прочитал пару статей на новостном сайте в Интернете, и ты готов имитировать чужой почерк. Правда, подтверждения этой версии я не получил. Вчера капитан Жаворонков переслал подборку статей, написанных после убийства фермера. Во всех статьях уклон на деградацию села, но не на детальное описание убийства. О записке упоминается только в двух статьях, а о цифре, поставленной под знаком вопроса, журналисты даже не заикнулись. И вообще, это дело освещалось скудно. В комментариях Жаворонков отметил это отдельно. Кстати, результаты по твоей находке будут готовы к обеду. Если на сучке присутствует не только твоя кровь, сможем сравнить ее с образцами конкурента фермера.

– Папашу и жениха умершей пациентки проверить не желаешь?

– Дождемся результата, а там видно будет.

Машина подъехала к воротам СИЗО, и разговор прервался. Работа следственного отделения начиналась ровно в девять. Время Гуров рассчитал точно, поэтому ждать не пришлось. Оформив документы, оба полковника прошли в выделенный кабинет. Спустя десять минут туда привели подозреваемого.

– Задержанный Еремин доставлен, – отчеканил охранник.

– Здравствуйте, Григорий Иванович, – поздоровался Гуров. – Присаживайтесь.

Низкорослый, щуплый мужичок затравленно посмотрел на полковников и послушно занял стул.

– Я – полковник Гуров, это полковник Крячко. У нас к вам ряд вопросов, Григорий Иванович. Вы готовы сотрудничать?

– Будто мое мнение здесь что-то значит, – пробурчал Еремин.

– Напрасно вы так. Произошло убийство, и наша общая цель – найти убийцу.

– Знаю я ваши штучки. Только вид делаете, что ищете, а сами уже все решили, и участь моя предрешена. Что бы я ни сказал, итог один. Посадите невинного человека ни за понюх табаку и думать обо мне забудете, – обреченно заявил Еремин. – Хоть бы уж не терзали своими допросами.

– Вы признаетесь в убийстве? – вступил в разговор Крячко.

– Черта с два! – взвился тот. – Признания вы от меня не дождетесь! Хотите сажать, сажайте, но сам чернить свой род я не стану! У меня, между прочим, трое сыновей. О них вы подумали? Как они станут жить дальше, возьми я на себя вину?

– Значит, вы утверждаете, что не убивали Анатолия Зубанова? – спокойно проговорил Гуров. – Тогда зачем вы приезжали к нему и угрожали расправой?

– Единственное, в чем я виноват, это в том, что доверился этому мерзавцу. Он меня по миру пустил. – Голос Еремина больше не звучал затравленно, в нем слышалась неприкрытая агрессия. – Оставил без средств. Забрал мои сбережения и лишил хозяйства, а сам наслаждался жизнью.

– Это все патетика, – заметил Лев. – А вот смерть человека – это уже реальность.

– Да к черту вашу реальность! Голодные дети – вот реальность! Пустой желудок – вот реальность! – Еремин распалялся все сильнее.

– Если вы считали, что Зубанов вас обманул, почему не подали в суд? Почему не попытались вернуть деньги законным путем?

– Да потому что судьи наши под стать вам. Они всегда на стороне тех, у кого денежки, а у меня благодаря этому мерзавцу денег не было. Как думаете, кто выиграл бы дело, вздумай я обратиться в суд? Лично у меня на этот счет сомнений нет.

– И тогда вы решили взять дело в свои руки, – снова заговорил Крячко. – Приобрели веревку покрепче, рулон пищевой пленки и отправились к Зубанову. Подкараулили его в коровнике, ударили по голове, а дальше дело за малым. Скажите, вы наблюдали за тем, как он умирает? Дождались момента, когда жизнь окончательно покинула его тело?

– Прекратите, прекратите! – прошептал Еремин. Агрессия исчезла, перед полковниками снова сидел жалкий, задерганный тип. – Я не убивал Зубанова. Не стал бы этого делать. У меня трое сыновей, разве мог я навредить им? А коровы, так что теперь? Выкрутимся.

– Скажите, вам знаком человек по фамилии Дрозинский? – задал вопрос Гуров.

– Что? Дрозинский? Это следователь, что ли? Может, и знаю. Честно сказать, их тут столько уже было, всех фамилий не упомнишь.

– Это врач. Хирург, – пояснил Лев.

– Тогда точно не знаю. Наш род крепкий, по врачам не шастаем, – покачал головой Еремин. – С чего бы мне его знать?

– Его убили так же, как Анатолия Зубанова.

– Хотите и его убийство на меня повесить?!

– Тело нашли вчера утром, а убили его за два дня до этого.

– Да бросьте! Серьезно? – оживился Еремин. – Значит, я уже здесь был? Выходит, у меня алиби! Раз я не мог убить вашего доктора, значит, и Зубанова не убивал. Разве нет?

– Необязательно, – возразил Гуров. – Кто-то мог воспользоваться вашей идеей и расправиться со своим обидчиком тем же способом, что и вы.

– Еще скажите, что я член банды, – огрызнулся Еремин.

– Вы бывали в Вишняково? – продолжал допрос Гуров.

– Нет, не бывал.

– А в городе Электроугли?

– Тоже нет. Из своей деревни я выезжаю только в случае крайней необходимости.

– Разве убийство не тот случай?

– Я никого не убивал!

– Сколько лет вашим сыновьям?

– Старшему – тринадцать, младшему – шесть. Если вы намекаете на то, что они и есть мои последователи, то снова мимо.

– Какой марки принтером вы пользуетесь? – Гуров попытался застать Еремина врасплох.

– Принтером? Я вообще им не пользуюсь.

– Хотите сказать, у вас дома нет принтера?

– Нет. Что в этом такого удивительного? Я ведь не писатель, мне он без надобности.

– Ваши дети учатся в школе, им, например, дадут задание подготовить доклад. Где они станут распечатывать материал? Пойдут к соседям?

– Когда надо, они пользуются техникой в библиотеке.

– Какой язык учит ваш старший сын?

– Это-то тут при чем? – нахмурился Еремин.

– Отвечайте! – повысил голос Лев.

– Английский, кажется.

– Не знаете точно, какой язык изучает ваш ребенок?

– Да, не знаю. Я работаю с утра до ночи, мне некогда присматривать за его учебой. Этим моя жена занимается. Спросите у нее.

Гуров нажал кнопку, вызывая охранника.

– Уведите! – приказал он.

– Что, допрос окончен? – забеспокоился Еремин. – Послушайте, почему меня не выпускают? Если кто-то еще убит, а я был здесь, у меня алиби!

Гуров ничего на это не ответил, и Еремина увели.

– Не наш клиент, – прокомментировал Крячко.

– Точно не наш, – вздохнул Лев.

– Но проверить стоило, – поднимаясь, заметил Стас.

– Разумеется, – ответил Гуров и первым вышел из допросной.

У ворот следственного изолятора их уже поджидала толпа репортеров. Ворота закрылись, отрезая доступ во двор, и репортеры окружили машину плотным кольцом. В открытые окна полезли микрофоны, одновременно с этим со всех сторон посыпались вопросы:

– Газета «Московский вестник». Что думают в Главном управлении о причастности Григория Еремина к происшествию в Верее?

– Журнал «Столичная жизнь». Когда с Еремина будет снято обвинение? Общественность ждет ответа.

– Как в Главке планируют предотвратить последующие убийства Подмосковного маньяка?

И все в этом роде. Есть ли у полиции предположения об имени настоящего убийцы? Выяснены ли мотивы преступника? Найдены ли дополнительные улики, которые приведут следователей к поимке маньяка? Десятки вопросов об одном и том же, только в разной интерпретации. Красной нитью звучала вторая по значимости тема: сумеет ли полиция защитить граждан столицы от серийного убийцы или он продолжит безнаказанно убивать?

Гуров не собирался устраивать пресс-конференцию у ворот СИЗО. Он спокойно закрыл окна, вытолкнув микрофоны особо настойчивых репортеров, и дал тихий ход. Толпе журналистов пришлось расступиться. Оказавшись вне круга, Лев прибавил газ. Проехав пару кварталов, он сменил направление. Им нужно было добраться до Орехово-Зуевского района, где в населенном пункте под названием Верея произошло первое убийство.

Гуров и Крячко сидели в кабинете генерала. Настроение у всех было на нуле. С момента обнаружения второго трупа прошло четыре дня, а следствие так и не сдвинулось с места. Три дня Гуров и Крячко мотались между Вишняково и Вереей. Три дня вылавливали местных жителей и до посинения задавали одни и те же вопросы, пытаясь обнаружить след убийцы. За это время они успели проверить добрый десяток подозрительных лиц, посетивших эти населенные пункты. Кто-то видел незнакомца в сером плаще и широкополой шляпе, надвинутой на глаза. Кто-то заметил странную парочку, шнырявшую возле фермы. Кого-то насторожил незнакомый автомобиль, курсировавший по поселку. По большей части сведения, полученные от местных жителей, не вызывали доверия, но Гуров и Крячко все равно проверяли их, так как иной зацепки не было.

Один раз им показалось, что удача повернулась-таки к ним лицом. В Вишняково отыскался человек, за день до убийства Дрозинского видевший подозрительного мужчину возле дома убитого. Он дал подробное описание мужчины и вспомнил, что тот ехал с ним на электричке чуть ли не от самой Москвы. На какой станции тот сел в его вагон, свидетель вспомнить не смог, но то, что не имел проездного удостоверения, помнил точно. Когда контролеры проверяли оплату, он предъявил им единоразовый талон. Контролер еще пошутил, что для туризма Вишняково не самое приятное место, на что мужчина ответил, что едет в поселок по делам и не собирается задерживаться там надолго.

Гуров и Крячко помчались на вокзал. Отыскали контролера, который вспомнил мужчину по описанию. Он подтвердил, что тот ехал из столицы, не имея обратного билета. Предъявленный кассирам фоторобот дал результаты. Одна из кассиров вспомнила мужчину. Он брал билет в день убийства Дрозинского до конечной станции Москва-Курская. Естественно, никаких дополнительных сведений в кассе не было, при покупке билета на пригородные поезда документы не требуют. Тем не менее Гуров и Крячко отправили людей на станцию Курская с распечаткой фоторобота подозреваемого, но там их ждала неудача. Проходимость на Курской такая, что найти кого-то по фотороботу нереально.

Еще один свидетель дал описание автомобиля марки «Рено», якобы парковавшейся неподалеку от больницы, где работал Дрозинский. Он умудрился даже запомнить номера, так как водитель заехал на газон и сломал молоденькое деревце. Свидетель собирался пожаловаться на него в дорожную полицию, да так и не собрался, но номер запомнил. По номерным знакам владелец «Рено» был найден за три часа. Его выдернули с работы и привезли в Управление, где между ним и Гуровым состоялся серьезный разговор. Увы, к смерти Дрозинского он не имел никакого отношения, а в Электроугли приезжал к своей подруге. Адрес подруги дал без возражений. Та подтвердила слова владельца «Рено» и даже предъявила еще одного свидетеля. Соседка сообщила, что данный гражданин бывает у женщины примерно пару раз в месяц. Приезжает на своей машине и остается на два дня. Подозреваемого пришлось отпустить.

И все это время, куда бы полковники ни направились, всюду натыкались на журналистов. Небольшими группами или по одному, они сновали по тому же маршруту, что и Гуров с Крячко. И тоже вынюхивали, выспрашивали, записывали. А потом подавали новости в том виде, в каком было выгодно редакции. Кого-то из журналистов полковники успели запомнить в лицо, с кем-то вступить в контакт, с кем-то повздорить, но ни один из них не смог поделиться с ними полезной информацией. Журналисты знали не больше, чем следователи, и это давало хоть какое-то утешение.

К концу третьих суток Гуров и Крячко так вымотались, что уже не могли отличить правду от вымысла. А наутро четвертого дня их вызвал «на ковер» генерал Орлов и потребовал полного отчета о проделанной работе. Докладывал Гуров, а Крячко время от времени вставлял реплики, пытаясь скрасить безрадостную картину, но большой пользы от этого не было. Следствие зашло в тупик, и все трое это понимали.

– Из всего вышесказанного я могу сделать лишь один вывод: докладывать наверх мне нечего, – резюмировал генерал. – Полетят чьи-то головы, это вы понимаете?

Гуров и Крячко молчали. Генерал раздраженно постукивал костяшками пальцев по папке с материалами дела.

– Должна же быть хоть какая-то зацепка, – в раздражении оттолкнул он папку в сторону. – Мы что-то упускаем. Не бывает так, чтобы убийца не оставил никакого следа!

– Результаты экспертизы показали, что обе записки отпечатаны на одном принтере, – проговорил Крячко. – На сучке, взятом со второго места преступления, остались образцы крови и кожного покрова убийцы. Это уже результат. Как только мы на него выйдем, дока-

зательная база будет готова. Сравним образцы с образцами убийцы, проверим его принтер и предъявим обвинение.

– Отлично, – саркастически заметил Орлов. – Дело за малым – взять убийцу. Это как купить брелок от «Мерседеса» и быть довольным тем, что осталось приобрести всего лишь машину. Это я сообщу в верхах? Или, может, лучше собрать пресс-конференцию и выложить наши достижения на суд общественности? Думаю, журналисты будут в восторге. Они и так поливают грязью наше Управление на протяжении четырех дней. Полиция бессильна! Следствие зашло в тупик! Подмосковный маньяк все еще на свободе! Читали свежие газеты?

– Я все думаю, каким образом убийца попадал на место преступления? – задумчиво произнес Гуров. – Местным жителем он не является, это бесспорно хотя бы в одном случае – между Вишняково и Вереей порядка семидесяти километров, и не думаю, что он живет в одном из этих поселков. Следовательно, у него должен быть транспорт. Его необходимо найти.

– Предлагаешь проверить всех владельцев автотранспорта в поселке с населением в добрых две с половиной тысячи и заставить их вспомнить, не парковался ли возле них неучтенный автомобиль? – съязвил генерал.

– Нет, этого я предлагать не собирался. Просто думаю, как мог преступник остаться незамеченным? Ведь должен же он был как-то добираться до обозначенных мест? В Верее искать бесполезно, слишком много людей там живет. А вот в Вишняково можно попытаться. Там населения полтысячи душ, и это включая стариков и детей. Сколько из них имеют личные автомобили? Берем по максимуму. Это примерно половина, а если учесть низкий уровень материального состояния жителей села, то и полторы сотни не наберется. Выделим людей, пусть проверяют каждого.

– И сколько же человек ты собираешься отрядить на эту работу?

– Десяти человек будет достаточно. По пятнадцать владельцев авто на каждого. За сутки управимся, – ответил Гуров.

– Это ничего не даст, – возразил Крячко. – Допустим, кто-то из них вспомнит, кто и когда парковал рядом с ним машину. Без номерного знака эти сведения бесполезны. В случае с владельцем «Рено» и номерной знак не помог.

– Возможно, он «засветился» как-то по-другому, – настаивал Гуров. – Проехал под запрещающий знак, спросил дорогу к нужной улице, поинтересовался о наличии заправочной станции.

– Ты цепляешься за соломинку, – покачал головой Орлов. – Так мы на убийцу точно не выйдем.

– Но ведь не можем же мы сидеть и ждать нового трупа! – вспылил Лев. – С каждым днем риск того, что преступник снова кого-то убьет, возрастает в десятки раз.

И в этот момент на столе генерала зазвонил телефон. Он покосился на аппарат. Сработал канал внутренней связи, по всей видимости, секретарша перевела звонок сразу на генерала, опустив процедуру доклада. «Значит, звонок важный», – подумал Орлов и снял трубку.

– Слушаю, что там у вас? – произнес он, после чего только хмурился и кивал.

Разговор длился не больше минуты. Положив трубку, он посмотрел на сыщиков и тихо проговорил:

– Вот и дождались.

– Что случилось? – в один голос воскликнули Гуров и Крячко.

– У нас очередное убийство. Звонили из поселка Шевлягино, разговаривали с дежурным. Электромонтеры высоковольтных вышек обнаружили на своем участке труп. Берите бригаду криминалистов и гоните туда, пока репортеры не разнюхали, – приказал генерал и устало добавил: – Поздравляю, Гуров, у тебя есть возможность первым прибыть на место преступления. Как по заказу.

Лев не ответил. Он понимал, что сейчас испытывает его друг и начальник. Ему предстояло объяснение с вышестоящими начальниками, и приятной эту беседу не назвал бы никто. Крячко вышел из кабинета первым. Он передал секретарше Верочке приказ генерала связаться с группой криминалистов и сообщил, что они с Гуровым будут ждать их на парковке. Перед отъездом Гуров зашел в кабинет забрать приобретенную накануне карту Московской области. На ней были отмечены два объекта: Верея и Вишняково. Он отыскал новый объект. Красным маркером выделил его на карте, убрал в карман и вышел. Криминалисты уже ждали на стоянке.

– Куда следуем, товарищ полковник? – спросил старший группы, капитан Трегубов.

– Поселок Шевлягино. Знаешь, где это?

– Понятия не имею.

– Поедете следом. Двигаться будем быстро. Нужно опередить репортеров.

– Опять Подмосковный маньяк? – догадался Трегубов.

– Не произноси при мне этой клички! – вмешался в разговор Крячко. – Нахватался от журналюг, уши б мои тебя не слышали!

– Да я просто для удобства. Как-то ведь нужно его называть, – стал оправдываться Трегубов. – Кого на этот раз?

– Неизвестно. Генералу сообщили только что. Все узнаем на месте, – ответил Гуров. – Давайте по машинам, ребята, время дорого!

Все расселись по машинам. Лев включил навигатор и вывел автомобиль со стоянки. Микроавтобус группы криминалистов последовал за ним.

– Что нам известно о поселке Шевлягино? – задал он вопрос Крячко, и тот принялся искать информацию в Интернете.

– Ого, да тут их столько! – пролистывая страницы Интернета, воскликнул Стас. – Шевлягино есть в Раменском районе и в Орехово-Зуевском. Еще поселок при Шевлягинском заводе. Нам-то с тобой куда?

– Звони генералу, уточняй, – поторопил его Гуров.

Вопрос выяснился быстро. Нужный полковникам поселок находился недалеко от Раменского. Население недотягивает и до сорока человек. К поселку приписаны два садовых товарищества. Главная достопримечательность – одноименная железнодорожная платформа. Чуть в стороне поселок меньших размеров, возникший вокруг завода. По словам участкового, разговаривавшего с дежурным, преступление произошло не в самом поселке, а чуть в стороне. Чтобы не плутать по окрестностям в поисках места преступления, Гуров связался с участковым и попросил встретить машины на выезде.

Глава 5

В редакции газеты «Только факты» царила привычная суматоха. Сновали туда-сюда курьеры, репортеры перебегали из кабинета в кабинет, наталкиваясь друг на друга, и даже не замечали этого. Авторы статей, которым предстояло пройти последнее согласование, носились со свежими гранками, уже прошедшими процедуру верстки. Фоторепортеры тасовали по папкам снимки, отделяя наиболее удачные от забракованных. И всюду звонили телефоны. От этого звона у непривычного к подобному шуму посетителя закладывало уши. А газетчикам все нипочем, главное, чтобы статья была принята к печати да гонорар не урезали.

В кабинете главного редактора было потише. Тут двигались чинно и размеренно. Даже самые неугомонные сотрудники газеты приосанивались, прежде чем переступить порог «святая святых» газеты. Главный редактор Александр Хван спешки не терпел, хоть и проработал в издательстве добрую четверть века. Как ему удавалось сохранять спокойствие, когда в последний момент выяснялось, что статья для передовицы сырая или снимки поп-дивы, идущие «гвоздем» тиража, уже запущенного в работу, вдруг оказывались безнадежно испорченными, для всех сотрудников газеты оставалось загадкой. Но уж таков он был, Александр Хван.

В редакции его любили за прямоту и справедливые решения. А кто не любил, вынужден был уважать. За время существования газеты коллективу пришлось пережить не один государственный катаклизм, и в схватке с финансовой акулой, норовящей заглотить издание живьем, Хван неизменно выходил победителем, да еще умудрялся упрочить положение газеты. Заслуга в этом целиком и полностью принадлежала главному редактору, и это признавали все. И доброжелатели, и недруги, и даже конкуренты.

Время подходило к четырем, до окончания рабочего дня оставался еще час, и Александр, как обычно, работал у себя в кабинете. Его личный секретарь Людмила, которую в редакции все называли не иначе как Милочка, сидела в приемной, отвечая на многочисленные звонки. Трубка раскалилась от изобилия звонков, но усталости на лице девушки не было. Ее работоспособности позавидовали бы и космонавты. За это главный редактор ценил ее особо. Завершив очередной разговор, девушка повесила трубку. В этот момент в приемную заглянул симпатичный парнишка. «Совсем молоденький, едва ли школу окончил», – подумала она и вежливо поинтересовалась:

– Чем могу помочь?

– Это кабинет главного редактора Александра Хвана? – читая по бумажке, спросил парнишка.

– Угадали, – пряча улыбку, ответила Людмила. – У вас к нему дело?

– Вот, просили передать, – бухнул на стол запечатанный конверт без опознавательных знаков парнишка.

– Кто просил?

– Это мне неизвестно. Мое дело маленькое: пришел, вручил и свободен, – заявил парнишка и направился к выходу.

– Подождите, я должна расписаться в получении! – попыталась остановить его секретарша.

– Не должны, – бросил он через плечо и скрылся за дверью.

«Странно, – подумала Мила. – Может, личное послание?»

Она повертела конверт в руках и нажала кнопку селектора.

– В чем дело, Милочка? – зазвучал из динамика голос главного редактора.

– Вам послание, – сообщила секретарша. – Только что курьер доставил. Принести?

– Кто отправитель?

– Не подписано. Похоже, аноним.

– Хорошо, принесите. Посмотрим, кто наш аноним, – велел главный редактор.

Она вошла в кабинет и протянула конверт шефу. Тот повертел его в руках, надорвав край, вынул небольшой клочок бумаги, развернул и принялся читать. Секретарша терпеливо ждала. По лицу шефа невозможно было понять, приятное ли известие он получил или новости негативного характера.

– Так-так, – произнес Хван, пряча листок обратно в конверт.

– Ответ потребуется? – закинула удочку секретарша. Ей до смерти хотелось узнать, от кого послание, но спросить напрямую она не решалась. Таких вольностей Александр Хван не прощал.

– Нет, можете идти, Милочка, – ответил главный редактор и положил конверт в карман пиджака. – Да, вот еще что. Посмотрите, на сегодняшний вечер важных встреч не запланировано?

– Раньше десяти часов завтрашнего утра ни одной встречи, – доложила секретарша.

– Отлично! Тогда я тут закончу, пожалуй. – Хван уткнулся в монитор компьютера, давая понять, что больше ее не задерживает.

Милочка украдкой вздохнула и вышла из кабинета. Теперь выяснить, что за послание принес курьер, не удастся. Вряд ли главный редактор захочет делиться с ней информацией. Оставалось только гадать, чем она с удовольствием и занялась. «У шефа появилась любовница, – первое, что пришло ей на ум. – Тайная записка в духе восемнадцатого века. Курьер не из профессионалов, остановила первого встречного на улице, дала сотню и попросила оказать услугу. Жаль жену, такая приятная женщина. И чего этим мужчинам не хватает? – досадливо поморщилась она. – А может быть, дело вовсе не в женщине? Возможно, это анонимный осведомитель, пытающийся задарма продвинуть интересующую его тему. Шеф либо назначит кого-то для проверки данных, либо выбросит послание в мусорное ведро. Если так, то спустя час я смогу им завладеть. Или же это угроза от кого-то, о ком писали в газете. Решил припугнуть шефа, чтобы тот дал опровержение. Впрочем, такие типы действуют открыто. Приходят сюда и начинают качать права, сыпя угрозами, но никогда не претворяя их в жизнь, так как непроверенный материал шеф ни за что не пустит в печать».

Ровно в пять шеф вышел в приемную. Выглядел он как обычно. Ни волнения, ни спешки.

– Милочка, на сегодня я закончил. Проверь все в кабинете и можешь идти, – проговорил он привычную фразу, после чего вышел, не прощаясь.

Секретарша заняла пост у окна, наблюдая, как шеф садится в машину, выруливает с парковки и исчезает в потоке машин. Выждав еще несколько минут, заперла дверь приемной и проскользнула в его кабинет. Первым делом ее интересовала корзина для бумаг. Сегодня она была доверху заполнена. Вздохнув, девушка перевернула корзину, высыпала содержимое на пол, но, разворошив бумаги, убедилась, что ни конверта, ни послания в мусорной корзине нет. Она сгребла мусор обратно и вынесла его в приемную. Уборщице дозволялось переступать порог кабинета шефа только в его присутствии, поэтому корзину полагалось оставлять под столом в приемной.

Вернувшись в кабинет, Милочка стала перекладывать бумаги на столе. В поисках конверта попыталась даже проверить ящики, но те были заперты. Пришлось уйти ни с чем. Она выключила свой компьютер и отправилась домой.

А в это время ее шеф уже приближался к выезду из города. Он решил не заезжать домой, а перекусить где-то по дороге. Увидев вывеску заведения быстрого питания, припарковался и вошел внутрь. Пробыл там недолго. Ровно столько, чтобы успеть съесть гамбургер и запить его стаканом кофе. Подкрепившись, Хван продолжил путь. Когда он свернул на проселочную дорогу, солнце уже успело скатиться к горизонту. Звезд на небе еще не было

видно, а фонарями сельская местность не изобиловала. Впрочем, заблудиться Александр не боялся. Проехав еще с полкилометра, он припарковал машину у обочины, вышел и двинулся вперед через поле. Дойдя до обозначенного места, остановился. Впереди виднелся старый полуразвалившийся сарай. Хван дошел до него, заглянул внутрь. Там было пусто. «Ну и местечко! Так и просится в картину из фильма ужасов, – подумал он, обходя сарай. – Вот сейчас из кустов послышится зловещий вой, и полезет всякая нечисть. Хорошо, что я не суеверный». Это была последняя мысль, успевшая промелькнуть в голове главного редактора. Свернув за угол, он услышал позади шаги, но оглянуться не успел. Тяжелый предмет обрушился на его затылок, и он потерял сознание.

Пришел в себя Хван от холода. Приоткрыв глаза, он понял, что ничком лежит на дощатом полу, прогнившем от времени. Руки связаны за спиной, а рот заклеен скотчем. Александр перекатился на спину, огляделся и увидел, что находится в сарае. Скорее всего, в том самом, который обходил перед ударом. В сарае он был не один.

– Очнулся? Вот и славно, – заговорил чей-то мужской голос. – Я уж подумал, что ты откинешь копыта, лишив меня главного удовольствия. Но нет, ты оказался крепче, чем я думал. Что такое? Тебе холодно? Ничего, это ненадолго. Одежду я решил снять, по-моему, так будет эффектнее. Что, опять недоволен?

Ответить Хван не мог, мешал скотч. Его мучитель прекрасно об этом знал и специально задавал вопросы, получая от мычания жертвы особое удовольствие.

– Я тут покопался в твоих карманах, искал письмо. Ты меня не разочаровал. Вот был бы номер, если бы кто-то прочитал его после твоего отъезда. Сюрприз был бы испорчен, верно? Ты любишь сюрпризы? Думаю, нет. Не в твоем стиле, да? А вот я обожаю сюрпризы. Только не те, что устраивают мне. От таких сюрпризов лучше держаться подальше, а вот для тебя я приготовил нечто особенное. Надеюсь, ты оценишь.

Хван, не отрываясь, смотрел на мужчину, взгляд его горел ненавистью.

– О, что это, мы рассержены? С чего вдруг? – продолжал издеваться его мучитель. – Не нравится идея предстать перед бравыми полицейскими, которые найдут тебя голым? А по мне, так идея – класс! Что-то становится скучновато устраивать кокон тем, кто и так с ног до головы упакован. Смешной каламбур, правда? Люблю разнообразие. Вот с тобой решил поболтать, пока готовлю главное действие. Ты ведь не возражаешь?

Александр замычал, а мужчина громко рассмеялся:

– Ты так смешно мычишь, точно коровы в сарае того фермера. Хочешь, расскажу тебе, как он умер, как я убил его?

Хван бросил на мучителя взгляд, полный презрения, но получил в ответ лишь новый приступ смеха:

– А ты забавный! Не желаешь слушать, да? Плевать, я все равно расскажу. Я следил за ним два дня. Приходил к коровнику и засекал время. Ты знаешь, он был на удивление пунктуален. Потому-то мне и хватило двух дней. На третий я его получил, точно подарок к дню рождения. Знаешь, как мне удалось усыпить его бдительность? О, я действовал как настоящий актер! Пришел к коровнику с всклокоченной шевелюрой, с испачканным грязью лицом и руками. Мне даже пришлось разорвать штанину и расцарапать бедро, чтобы все выглядело правдоподобно. Увидев меня в дверях, он спросил: что с тобой случилось, приятель? Смешно, он назвал меня приятелем! А я рассказал ему печальную историю о том, как моя машина загремела в кювет и как я чудом остался жив, и теперь мне нужна помощь. Он сказал: не вопрос, пойдем, я отвезу тебя на станцию, там ты сможешь заказать эвакуатор. Я поблагодарил его. Когда он проходил мимо меня, я придержал шаг, а потом тюкнул его по затылку булыжником. Точь-в-точь как тебя.

Рассказывая историю про фермера, мужчина методично заворачивал тело Хвана в несколько слоев пищевой пленки. Покончив с ногами и не забыв снять с лодыжек веревку,

он перешел к плечам. Дойдя до кистей рук, срезал веревку и с них. Работал он старательно и неспешно. Было видно, что ему хочется поговорить подольше. Хван понимал, что минуты его жизни сочтены, но ничего не мог предпринять, только жечь глазами ненавистного мучителя. Впервые в жизни ему хотелось кричать. И не просто кричать, а орать во все горло. Неважно что, лишь бы его услышали, лишь бы закончился этот кошмар. Но он не закончится. Человек, который выбрал его своей очередной жертвой, – психопат, а от такого ждать милости и пощады глупо. Глупо и бессмысленно.

– Что-то ты приуныл, – толкнул Хвана в бок мужчина. – О чем задумался? О красавице жене? Забудь! В следующий раз она увидит тебя в холодильной камере морга. Скучающий санитар с подобающим выражением лица подведет ее к ячейке холодильника, и она станет любоваться на замороженную тушу, когда-то бывшую ее мужем.

И тут Хван не выдержал. Понимая всю тщетность попытки, он рванулся в сторону обидчика. Каким-то чудом ему удалось принять сидячее положение. Ладонями, все еще свободными от пленки, он уперся в дощатый пол. И тут же перехватил взгляд, в котором прочитал страх. Это длилось всего мгновение, но оно того стоило. Он сумел напугать мучителя. Того, у кого на руках все козыри. Не такой уж он крутой, каким хочет казаться. Взгляд Хвана был красноречивее любых слов. Мужчина понял его и, разозлившись, отвесил ему пощечину. Александр потерял опору и снова свалился на пол. Щека горела, из рассеченного глаза текла кровь, но он нисколько не жалел – больше этот подонок не станет рассуждать о его жене. О чем угодно, только не о ней!

– Ты что это себе возомнил? – приходя в себя, заорал мужчина. – Думаешь, ты Рембо или Стивен Сигал? Ты – дерьмо! Запомни это. И не вздумай выкинуть что-то подобное еще раз! Смерть смерти рознь, знаешь ли. Я предлагаю тебе легкий и короткий путь, не заставляй меня передумать!

Дальше он работал молча. Разговаривать ему, видимо, расхотелось. Упаковав руки, перешел к тем частям тела, что еще не были обработаны. К голове приступил в последний момент. Сначала под пленкой исчезли волосы, затем шея, лоб и подбородок. Нетронутыми остались только глаза, нос и рот. В таком виде он взвалил Хвана на плечо и поволок из сарая. Петля уже была готова. Просунув в нее ступни, затянул узел. Повис на веревке всем телом, поднимая жертву все выше от земли. Когда голова оказалась на уровне его глаз, ловким движением закрепил свободный конец, освобождая руки, и прошептал:

– Остался последний штрих. Не хочешь передать что-то потомкам? Увековечить этот момент. Нет? Что ж, я не удивлен. Видимо, при жизни ты был более разговорчив, чем у ее порога. Прощай, неудачник!

Произнеся эту фразу, он сорвал скотч, заменив его пленкой. Пять оборотов вокруг головы, и все готово. Теперь уже недолго. Смотреть на часы нужды нет. Начинается обратный отсчет. Он начинал с пятисот. Почему? Сам не знал. Просто цифра понравилась. Пять жертв, пять сотен секунд. Символично. И красиво. Итак: пятьсот, четыреста девяносто девять, четыреста девяносто восемь, четыреста девяносто семь…

Хван дотянул до ста четырнадцати. Рекордный срок. Фермер сдался уже на трехстах восьмидесяти. Видимо, оттого, что слишком яростно дергался, растратил последний кислород на бессмысленное сопротивление. Хирург ненамного ушел от него, третий десяток лишь пошел на убыль. А вот Хван – герой. Умер, как индеец-апачи, или как там их называют. Стойкий и невозмутимый даже в смерти. Забавно, как по-разному умирают люди. А ведь кто бы мог подумать?

Чтобы замести следы, ушло чуть больше времени, но ведь и жертва особая. Ничего, он все предусмотрел. Никаких улик, никаких зацепок. Приходите, тут уже все чисто. Кроме самого трупа, разумеется. Кого-то ждет сюрприз…

Вышка электропередачи была видна с дороги задолго до нужного поворота. У обочины под дорожным указателем машины встречал офицер в форме. Гуров притормозил, поздоровался. Участковый занял место на заднем сиденье.

– Сворачиваем, и сразу к вышке, – произнес он.

Напротив вышки, у самой обочины, были припаркованы две машины – полицейский «уазик» и внедорожник. Гуров остановился рядом. Позади припарковался микроавтобус группы криминалистов.

– Это машина жертвы? – кивнул Лев на внедорожник.

– Вероятнее всего, – ответил участковый.

– По базе пробили?

– Я передал информацию в Раменское. Они пока не отзванивались. Позвонить, поторопить?

– Не нужно, обойдемся своими силами, – отказался Гуров.

Он набрал номер Главного управления, продиктовал дежурному номерной знак машины и велел перезвонить, как только работа будет сделана. У машины остался криминалист из группы Трегубова, остальные пошли дальше.

– Журналистов еще не было? – поинтересовался Крячко.

– Откуда им взяться? – удивился участковый. – Тело обнаружили час назад. Ребята, что нашли труп, все еще на месте. Я велел им задержаться до вашего приезда, но, похоже, пользы от них мало.

– На месте преступления ничего не трогали?

– Разумеется, нет, – чуть возмущенно ответил участковый. – Я не первый день на службе.

– Как тебя величать, офицер?

– Старший лейтенант Никонов. Можно просто Алексей.

– Ну а я – полковник Крячко. Можно просто Стас, – произнес Крячко. – Так вот, Алексей, за время службы в органах я всякого насмотрелся. И как рьяные помощники место преступления затаптывают, и как трупы переносят только для того, чтобы удобнее ходить было, и как лапами своими хватают все что ни попадя. Так что ты уж не обижайся, а вопросы я буду задавать такие, какие сочту нужным. Надеюсь, мы друг друга поняли?

– Так точно, товарищ полковник! – смутился участковый. – На месте преступления ничего не трогали. К вышке не приближались. Ребята-монтеры туда тоже не совались. Труп увидели издалека, и сразу своему начальству доложили. Те в Раменское полицейское управление позвонили, а они, в свою очередь, меня откомандировали, так как я вроде как участковый в этом районе.

– Вроде как? Это интересно, – хмыкнул Станислав.

Отреагировать на выпад полковника лейтенант не успел. Группа подошла к вышке, препираться или оправдываться времени уже не было. Криминалисты тут же принялись за дело. Развернули свои чемоданчики, натянули перчатки, вооружились инструментами для сбора улик, ожидая только команды полковника, чтобы приступить к осмотру места происшествия. Немного в стороне от вышки стояли трое мужчин, те самые электромонтеры, что обнаружили повешенного. Гуров кивком указал на них Крячко, а сам пошел к телу.

Труп висел вниз головой, ступни опутывала петля. Голова находилась на уровне глаз полковника. Место, где должно было располагаться лицо, закрывал листок со знакомым изображением: вопросительный знак, английская буква и цифра «три» вместо точки. Второй конец веревки закреплен на поперечной балке. Убийца воспользовался верхней перекладиной, чтобы подтянуть тело на нужную высоту, а затем обмотал свободный конец вокруг нижней перекладины и закрепил узлом. Трава под трупом была примята, но четких следов на ней не осталось, это было видно невооруженным глазом.

– Приступайте, ребята! – чуть посторонившись, скомандовал Гуров.

Первым в дело вступил фотограф. Он быстро делал снимки, не приближаясь к месту преступления ближе трех шагов. Закончив, дал знак остальным. Один из криминалистов принялся обрабатывать стойки и перекладины вышки, надеясь найти отпечатки пальцев, а второй начал изучать почву на предмет следов, оставленных преступником. Затем криминалисты обрезали веревку, и труп стремительно пошел вниз. Подхватив тело, опустили на землю и уступили место врачу. Срезав пленку, судмедэксперт развернул ее.

– Да он же голый! – воскликнул один из монтеров.

– Что-то новенькое, верно? – произнес Трегубов. – Прошлые жертвы ведь были одеты?

– Были, – отозвался Гуров. – И следов насилия на их теле не было. – Он указал на кровоподтек возле глаза.

– Тут и еще кое-что, – заметил судмедэксперт. – Похоже, перед смертью руки и ноги жертвы были какое-то время связаны веревками. Видите эти кровоподтеки на запястьях и лодыжках? Они говорят о том, что кожа подверглась трению. И еще одно: на лице жертвы в области губ отсутствует часть волосяного покрова.

– Ему заклеили рот? Скотчем? – догадался Лев.

– Думаю, да. Точнее скажу, когда проведу анализ.

– Но зачем было это делать? Ведь у убийцы имеется отработанный план, который сработал дважды, – недоумевая, спросил Трегубов.

– Быть может, он не отключился после удара, как это было с предыдущими жертвами, вот убийце и пришлось его связать, – предположил судмедэксперт. – Рана на затылке внушительная, но кто знает, быть может, силы удара оказалось недостаточно, чтобы лишить мужчину сознания.

– Или же он намеренно тянул время. Решил сменить тактику. Прежних страданий ему стало мало. Захотел ощущений более острых, чем двухминутная агония жертвы, погибающей от удушья, – задумчиво проговорил Лев.

– Думаете, тут имеет место сексуальное насилие? – предположил Трегубов, намекая на обнаженное тело.

– Эксперты выяснят, – ответил Гуров и обратился к криминалисту, который проводил осмотр тела: – Можете сказать, сколько времени прошло с момента смерти?

– Только приблизительно, – предупредил тот. – Судя по трупному окоченению и по ряду других признаков, я бы сказал, что его убили в промежутке от девяти до двенадцати ночи.

– Причина смерти – удушение?

– Вероятнее всего, но до результатов вскрытия под своими словами не подпишусь, – выдал коронную фразу судмедэксперт.

– Забирайте его, пока «стервятники» не налетели. Когда будет готов отчет по вскрытию?

– Учитывая особый статус дела, постараюсь к двум управиться. Можете позвонить через пару часов, поделюсь всем, что узнаю.

– Спасибо, – поблагодарил Гуров и направился к Крячко и его подопечным.

Станислав как раз закончил опрос. Вопреки предположению участкового, пользу следствию свидетели все же принесли. Он выяснил, каким образом бригада электромонтеров оказалась нынешним утром на этом участке. Оказывается, в начале девятого утра поступил сигнал. Неизвестный сообщил, что линия электропередач на перегоне до Шевлягино испорчена. По оборудованию проблем не наблюдалось, по крайней мере, серьезных. Да и от населения жалоб на отсутствие электричества тоже не поступало, но начальство решило перестраховаться. Они отправили бригаду для проверки. Монтеры прошли определенный участок и наткнулись на труп.

Гуров отправил участкового в электрическую компанию, собрать сведения о звонке и, по возможности, получить запись телефонного разговора оператора с неизвестным, сообщившим о неполадках. Вместе с ним ушли и свидетели, Гуров отпустил их, предварительно переписав адреса. После их ухода Гуров и Крячко перешли к осмотру сарая, стоявшего чуть в стороне от вышки. Заброшенное здание не было заперто. В дальнем углу возле одной из подпорок, удерживающих крышу, лежали личные вещи убитого. Аккуратно сложенный костюм, поверх него рубашка. Рядом стояли ботинки, в которые были вложены носки. В кармане пиджака лежало удостоверение.

– Вот мы и узнали имя жертвы. – Лев вслух прочитал: – Александр Соломонович Хван, главный редактор московской газеты «Только факты».

– Интересно, что привело его в эту глухомань? – стал размышлять Крячко.

– Думаю, его выманил убийца, – предположил Гуров. – Либо что-то посулил, либо чем-то пригрозил. Я склоняюсь к первому варианту, работа жертвы связана с прессой. Быть может, преступник решил повысить свой рейтинг, убив одного из журналистов. Представляешь, каков будет резонанс?

– Да уж, могу себе представить. Теперь газетчики на нас всех собак спустят, – согласился Крячко. – Придется ехать в редакцию, общаться с его коллегами. Наверняка у него и семья есть. А у нас ни одной зацепки. Не убийца, а Гудини какой-то. Сделал свое черное дело и исчез вместе с уликами.

– Для начала осмотрим здесь все. Может, на этот раз повезет.

Во время осмотра позвонил дежурный из Управления и подтвердил то, что Лев уже знал. Внедорожник принадлежал Хвану. По базе пробили его домашний адрес. Он приказал вызвать жену на опознание, сам же продолжил осмотр. Пол в сарае был дощатый, следов ботинок тех, кто здесь недавно находился, не осталось бы, не будь на нем толстого слоя пыли, и Лев надеялся, что криминалистам удастся снять отпечатки обуви преступника. На отпечатки пальцев он не особо рассчитывал, сейчас каждый школьник знает, что, задумав преступление, в первую очередь нужно обзавестись перчатками, а уж этого добра в каждом супермаркете навалом. Все остальное убийца прибрал. Ни веревки, которой был связан редактор, ни скотча, которым ему заклеивали рот.

Выйдя из сарая, Гуров подошел к Трегубову:

– Удалось обнаружить что-то стоящее?

– Ищем, – коротко ответил тот.

– Что, совсем ничего? – вклинился Крячко.

– Тело отправили в морг, возле вышки работу заканчиваем. Там пусто. По автомобилю жертвы тоже пусто. Осталось обработать сарай, но, судя по выражению ваших лиц, там все то же самое. Убийца работал в перчатках, жертва не сопротивлялась. Скорее всего, не имела возможности, сукин сын постарался себя обезопасить. Кокнул по темечку, спеленал пленкой, и никакого риска. У жертвы ни одного шанса, – едва сдерживая гнев, ответил Трегубов. – И ведь какова наглость! Не побоялся позвонить в аварийную службу, чтобы тело побыстрее обнаружили. И место удачно выбрал. От поселка добрых полкилометра, как сказал участковый, здесь даже грибники не пасутся. Да и сам поселок крошечный, попасться на глаза местным жителям можно только при хроническом невезении.

– Согласен, – кивнул Лев. – Выбор места понятен. Преступник хотел убить жертву без спешки, чтобы гарантированно никто не помешал, а когда придет время, дать сигнал и получить результат. Вашим ребятам не удалось обнаружить следы другой машины?

– Возле вышки никаких следов, – покачал головой Трегубов.

– Осмотрите окрестности в радиусе пятисот метров, – приказал Гуров. – Убийце нужно было как-то сюда добраться. Оставить автомобиль на дороге он не мог, чересчур рискованно.

Если он был на машине, где-то должен был съехать с дороги и спрятать ее до появления Хвана, а потом на ней же убраться.

– Или же он воспользовался электричкой, – заметил Трегубов. – Отсюда до Москвы, что на машине, что на поезде, часа полтора хода, а на электричке к тому же и без пробок.

– Но в таком маленьком поселке любой незнакомец привлечет внимание. Это не Верея с населением более двух тысяч человек, здесь и сорок душ не наберется. Вряд ли он стал бы «светиться» в поселке. Как думаете, сколько человек выходит на этой станции? Один, два? Максимум пять? – высказался Станислав.

– Проверить не помешает. Пока машина убийцы не обнаружена, данное предположение отбрасывать нельзя, – поддержал идею Трегубова Гуров. – Вы тут заканчивайте, а мы с Крячко в Москву. Как будут готовы результаты осмотра, высылайте. Я отправлю людей на станцию и в поселок Шевлягино, пусть поспрашивают местных жителей, вдруг кто что видел. Если все же обнаружите следы другого автомобиля, звоните сразу.

– Обязательно, – пообещал Трегубов.

Гуров и Крячко двинулись к дороге, но далеко отойти не успели – к месту происшествия уже направлялась толпа журналистов.

– Началось! – громко произнес Крячко. – Похоже, нам придется задержаться, стая стервятников готова атаковать. И откуда только они узнали? Ну и что будем делать?

– Придется пообщаться, – произнес Гуров. – Без информации они отсюда не уберутся.

Не доходя двух метров до заградительной ленты, журналисты остановились и тут же начали забрасывать оперативников вопросами.

– Правда ли, что Подмосковный маньяк нанес очередной удар?

– Уже известно имя новой жертвы?

– Убийца оставил улики?

– У полиции есть план, как остановить серийного убийцу?

Гуров вышел вперед, окинул толпу строгим взглядом и приказал:

– Дальше ни шагу! Это место преступления, и оно охраняется законом. Хотите получить информацию, для начала ответьте на мои вопросы.

– Все настолько безнадежно, что вы ищете помощи у журналистов? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Представьтесь, пожалуйста, – спокойно отреагировал Лев. – Меня вы наверняка все знаете. Я – следователь по особо важным делам полковник Гуров. Хотелось бы знать, кому я буду отвечать на вопрос.

– Тут представители всех новостных изданий Москвы, и мы ждем правдивой информации, – вышел вперед из толпы высокий парень с фотоаппаратом наперевес.

– Хорошо, пусть будет так. Раз уж вы вызвались представлять интересы всех печатных изданий, может, сами представитесь? – продолжил Гуров.

– Дмитрий Седельников, газета «Завтрашний день».

– Как вы узнали о случившемся? Тело было обнаружено три часа назад, и до сего часа официального заявления сотрудники полиции, насколько я знаю, не делали. Так откуда у вас сведения об убийстве и о том, где оно произошло?

– Мы имеем право не раскрывать свои источники, – снова раздался возглас из толпы.

– Имеете, – согласился Гуров. – Но тогда и я воспользуюсь своим правом и задержу вас до выяснения обстоятельств. Каждого из присутствующих здесь допросят сотрудники полиции, и это не шутка. Произошло третье преступление. Уверен, прокурор поддержит мою инициативу.

– В нашу редакцию поступил анонимный звонок, – немного подумав, произнес Дмитрий Седельников. – Звонивший сообщил о том, что Подмосковный маньяк снова обставил полицию, и посоветовал ехать в Шевлягино.

– У остальных было так же? – задал очередной вопрос Гуров.

Недружный хор голосов подтвердил предположение полковника.

– Предлагаю следующее, – продолжил Лев. – Сейчас полковник Крячко пройдет по вашим рядам и запишет всех, кто присутствует на нашем спонтанном собрании. Я же постараюсь ответить на все ваши вопросы, насколько позволит мне тайна следствия. Возражений нет?

Никто не возражал. Крячко отправился собирать данные, а Гуров начал отвечать на вопросы. Он сообщил о том, каким образом было обнаружено тело. Подтвердил, что способ убийства тот же, что и в случае с хирургом Дрозинским и фермером Зубановым. Упомянул про записку и про то, что номер под вопросительным знаком снова поменялся. На вопрос, известно ли имя жертвы, ответил уклончиво. Есть предположения, но так как опознание еще не произведено, раскрывать эту информацию преждевременно. Зато пообещал лично сообщить эти данные всем, кто найдет время пообщаться со следователями. Дальше вопросы пошли более конкретные, и Гуров поспешил свернуть интервью, выкладывать журналистам то, в чем он сам пока не разобрался, было опрометчиво.

– Это все, что я готов сообщить на данный момент. Надеюсь, вы проявите уважение к погибшему и не станете усердствовать, расписывая достижения преступника.

– Каковы ваши дальнейшие действия? Что вы собираетесь предпринять? – не унимался один из журналистов.

– Ловить преступника, что же еще? – заявил Гуров и быстро прошел сквозь толпу.

Его не останавливали. Журналисты поняли, что больше от Гурова они ничего не добьются. Кое-кто расчехлил фотоаппараты и принялся снимать место преступления для вечерних выпусков газет. Кто-то поспешил к своим авто, чтобы поскорее вернуться в столицу. Два или три журналиста окружили Трегубова. Тот жестко осадил их, велев держаться подальше от заградительной ленты, и отправился выполнять поручение Гурова. Полковники беспрепятственно добрались до своей машины и выехали на трассу. Дорога предстояла неблизкая, времени для обсуждения сложившейся ситуации было предостаточно, чем они и занялись.

Глава 6

Спустя полтора часа Гуров сидел в приемной главного редактора Александра Хвана. Миловидная секретарша стучала по клавишам компьютера, время от времени бросая на него ободряющий взгляд.

– Еще буквально пару минут, и я в полном вашем распоряжении, – продолжая печатать, сообщила она. – Это письмо нужно было отправить еще с утра.

Гуров ждал. Вернувшись в Москву, они с Крячко разделились, решив по дороге, что будет лучше, если жену Хвана допросит лично Станислав. Кроме того, нужно было обработать информацию по журналистам. Обсуждая их появление на месте преступления, оба сошлись на том, что это не может быть случайностью. Слишком быстро они обо всем узнали. Можно было предположить, что сведения о трупе и его местонахождении журналистам «слили» электромонтеры, обнаружившие тело, но, по зрелом размышлении, эту версию пришлось отбросить. Во-первых, она не проходила по временным рамкам. Свидетелей отпустили за тридцать минут до появления журналистов. На дорогу от Москвы ушло не меньше полутора часов. Значит, о преступлении они узнали на час раньше, практически одновременно с полицией. К тому же трудно представить, чтобы простые монтеры имели под рукой телефонные номера двенадцати изданий. Еще труднее представить, как, стоя возле трупа, они начинают обзванивать газеты, приглашая журналистов на место преступления. И все это задаром.

Сошлись на том, что их вызвал сам убийца. У него и возможность была, и причина так поступить. Он мог заранее найти номера телефонов, заранее подготовить текст и не спеша обзвонить всех. Крячко должен был узнать, каким образом каждое издательство получило сигнал, и в этом ему могли помочь ребята из информационного отдела. Если повезет, у кого-то в редакции найдется запись разговора, а это уже улика. Гурову же предстояло выяснить, каким образом убийца выманил Хвана в поселок Шевлягино.

Секретарша прекратила печатать, пощелкала мышью, отправляя письмо, и доброжелательно посмотрела на Гурова:

– Простите за задержку, сегодня день суматошный, сплошные форс-мажоры. Главный редактор отсутствует, все неотложные вопросы приходится решать самой. Могу я вам помочь?

– Надеюсь, – доставая удостоверение, ответил Лев. – Следователь по особо важным делам полковник Гуров.

– Полиция? Я так и знала, что с ним что-то случилось! – воскликнула секретарша, вмиг растеряв все свое благодушие. – Александр попал в беду? Где он? Что с ним?

– Вас Людмила зовут? – читая имя на бейджике, спросил Гуров.

– Точно, но в офисе, с подачи шефа, все зовут меня Милочка, хотя мне больше нравится просто Люда, – ответила секретарша.

– Люда, почему вы решили, что речь пойдет о вашем шефе? – Лев не спешил выкладывать неприятные новости.

– А о ком же еще? На работу не пришел и даже не предупредил. Телефон не отвечает. В редакции его обыскались. Зам рвет и мечет: пришла информация по Подмосковному маньяку, но, чтобы пустить материал в печать, требуется разрешение главного. Мне пришлось уже две встречи отменить, вру напропалую, а что делать, если шеф недоступен. Не скажу же я клиентам, что он загулял? Хотела позвонить жене, да главный строго-настрого запрещает ее беспокоить. Решила до трех подождать, и если он не объявится, то пусть хоть увольняет, а жене его я позвоню.

– Когда вы видели своего шефа в последний раз? – уточнил Лев.

– Да что случилось? – Люда все больше беспокоилась. – Скажите, что с ним все в порядке!

– Когда вы видели его в последний раз? – повторил он вопрос.

– Вчера вечером. Александр Соломонович закончил работу ровно в пять. Велел проверить кабинет и ушел. Уехал на своей машине. На работу обычно приходит к восьми, но сегодня я пришла, а его нет. Я подумала, что он задержался из-за вчерашнего послания. Первая встреча была назначена на десять, потому я и не беспокоилась вначале.

– О каком послании идет речь? – перебил секретаршу Гуров.

– Вчера курьер доставил шефу письмо. Простой конверт без подписи и без обратного адреса. Я отнесла его шефу. Он прочел и сказал, что ответа не будет.

– Куда он убрал письмо, видели?

– Положил в карман пиджака, – чуть смутившись, ответила Люда.

– Вы проверяли корзину, – догадался Лев, – и письма там не нашли?

– Я не имею привычки копаться в мусоре в кабинете шефа! – вспыхнула секретарша.

– Но в этот раз сделали исключение, потому что вас заинтриговало письмо. Ведь подобные послания приходят не часто, верно?

– Если честно, на моей памяти это впервые. Чтобы вот так, неизвестно от кого, неизвестно откуда. Да еще и курьер этот. Парнишка, что принес письмо, в курьерской службе не работает, это точно.

– Почему вы так решили?

– У курьеров солидных фирм особая форма, сумка заплечная, и обязательно квитанции, в которых нужно расписываться в получении. В менее престижных фирмах формы нет, но сумка для удобства все равно присутствует. Ну и квитанции. Если не они, то хотя бы журнал для записей. Туда заносят название фирмы отправителя, название фирмы получателя, имя получателя, и непременная графа для подписи. У этого парня – ничего. Бьюсь об заклад, что его выбрали из толпы. Знаете, как это бывает: подходят к студенту, предлагают заработать пару сотен, дают конверт и просят передать определенному человеку, – объяснила Люда.

– Детективами увлекаетесь? – сдержав улыбку, спросил Гуров.

– Такое не только в детективах практикуется, – серьезно ответила секретарша. – Поработайте секретарем в маленькой фирме, не раз с таким курьером встретитесь. Может, даже сами к подобного рода услугам прибегнете, если денег на настоящего курьера нет.

– Думаете, у того, кто отправил послание, проблемы с финансами?

– Может, и нет. Может, просто не хотел «светиться». Обратись он в курьерскую службу, там бы документы потребовали, зафиксировали обращение. Главный мог бы запросто узнать имя отправителя, а то и его адрес.

– Возможно, вы и правы, – задумчиво произнес Лев. – В котором часу принесли письмо?

– Около четырех.

– Как выглядел курьер?

– Молоденький мальчишечка. Лет семнадцать, не больше. Пришел, спросил, здесь ли кабинет Хвана, бросил конверт на стол и ушел. И от подписи моей отказался. Сказал, что ему это не нужно.

– Описать сможете?

– Да скажете вы, наконец, что случилось? – не выдержала секретарша. – Или я больше ни на один вопрос отвечать не стану!

– Сегодня утром Александр Хван был найден мертвым в районе поселка Шевлягино, Московской области, – произнес Гуров. – Его убили, Люда. Насколько я понимаю, вы последней видели его живым.

– Убит? Хван убит? Нет, не может быть! Вы ошиблись! Такое ведь возможно? Откуда вы узнали, что это он? Кто его опознал?

– При нем были документы, рабочее удостоверение с фото и печатью. Еще на месте преступления обнаружена его машина. Номера зарегистрированы на Хвана. Сомнений быть не может, Люда. Это Хван, – мягко проговорил Лев. – Кроме того, в морг уже вызвали его жену. С минуты на минуту мне позвонят и сообщат результаты, хотя мне подтверждения и не нужно, я точно знаю, что у поселка Шевлягино найдено тело Александра Хвана.

– Он попал в аварию? Его сбила другая машина или сам в кювет вылетел? – Люда выдвигала одно предположение за другим. – Впрочем, он очень аккуратный водитель, вряд ли он стал бы гнать или правила нарушать. Значит, в него кто-то врезался, так?

– Речь идет не об аварии. Хвана убили. Его убийца – Подмосковный маньяк, как вы его называете.

– Что? Маньяк? – Этого известия Люда вынести уже не смогла. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Гуров терпеливо ждал. А когда увидел, что секретарша немного успокоилась, произнес:

– Вам нужно проехать в отдел и составить фоторобот парня, который принес письмо. Но сначала расскажите, как вы узнали о новой жертве убийцы?

– Так вы же мне только что сказали. – Люда удивленно округлила глаза.

– А до этого вы говорили, что пришел материал по Подмосковному маньяку, и вам срочно нужна подпись главного, чтобы пустить его в печать, – напомнил Гуров.

– Точно, совсем из головы вылетело. Выходит, мы собирались написать про убийство шефа и даже не знали об этом? Жуть какая! – передернула плечами Люда.

– Так откуда сведения? – повторил Лев.

– Топырин принес. Есть у нас в редакции такое недоразумение, зовут Зиновий. – Секретарша непроизвольно скривила губы. – Сказал, что по общей линии поступил звонок. Неизвестный сообщил о новой жертве маньяка и указал место, где искать труп. Так как шефа не было на месте, добывать материал про маньяка отправился сам Топырин.

– Он выезжал в Шевлягино?

– Куда конкретно он ездил, я не знаю. Он общался с замом, можете у него уточнить.

– Похоже, вы не особо высокого мнения о Топырине, – заметил Гуров.

– Так там и нечем восторгаться, – откровенно заявила Люда. – Посредственность, она и есть посредственность. Вот сами посудите: отправился на место преступления и даже не сумел узнать, что речь идет о его шефе!

– Как же он мог догадаться, если к трупу его не подпускали? – заступился за неизвестного журналиста Лев.

– Не знаю, только если бы вместо него там был другой журналист, он бы точно догадался! – парировала секретарша. – Хотя бы по машине. Ведь вы сами сказали: на месте преступления обнаружена машина шефа. Как мог Топырин ее не заметить, а если заметил, как мог не узнать автомобиль шефа?

– Пожалуй, в ваших словах есть логика, – задумчиво произнес Гуров. – И все же не стоит судить слишком строго. Быть может, это просто не его день.

– Ага, не его день. Не его жизнь, не его профессия. Тут вы правы, – непонятно отчего злилась Люда. – Да если бы не доброта главного, Топырина давно бы поперли из газеты. А теперь этот никчемыш будет писать о его смерти. Жуть!

– Где я могу найти заместителя Хвана?

– Соседний кабинет, – сообщила секретарша. – Он должен быть на месте, проводить вас?

– Спасибо, я справлюсь. Можете заканчивать дела. Как только я освобожусь, вернусь за вами, и проедем в отдел, составим фоторобот.

Люда осталась в кабинете, а Гуров вышел в коридор. Он был уверен, что спустя две минуты все в редакции будут знать о смерти шефа. Так как эту новость скрывать он не собирался, то и Людмиле не стал запрещать распространять информацию. В кабинет заместителя Хвана он вошел без стука, так как дверь была открыта. За столом сидели двое: сутулый мужичок с залысинами на голове и солидного вида здоровяк с круглым пивным пузом.

– Сегодня не принимаю, – сердито бросил здоровяк. – Если вы по поводу статьи, отправляйтесь в восьмой кабинет. Там вас примут и назначат день.

– Я не по поводу статьи. – Гуров вошел в кабинет и занял место напротив сутулого мужчины. – Я по другому вопросу. – Он вынул удостоверение, раскрыл его и представился: – Полковник Гуров, Главное управление. Как я могу обращаться к вам?

– Маренин Сергей Петрович, заместитель редактора, – в свою очередь представился зам. – Чем обязаны?

– У меня к вам ряд вопросов. Дело касается вашего начальника.

– Тогда, быть может, лучше обсудить все наедине? – предложил Маренин и дал знак собеседнику, чтобы тот удалился. – Зиновий может подождать в коридоре.

– Зиновий Топырин? – переспросил Гуров. – Так это вы ездили в Шевлягино?

– Да, я, – промямлил журналист. – Только что вернулся.

– Собирали материал?

– Там был не только я. Много журналистов понаехало, – заискивающим тоном проговорил Топырин. – Я ничего не нарушил. Все равно кто-то будет об этом писать.

– Когда вы в последний раз видели Хвана? – Этот вопрос Гуров адресовал обоим присутствующим.

– Так вы серьезно? Саша действительно умер? – все еще не веря, переспросил Маренин. – Как это случилось?

– Спросите у Зиновия, – кивнул в сторону Топырина Лев.

Реакция журналиста выглядела странно. Он побледнел, приподнялся со стула и еле слышно промямлил:

– Сергей Петрович, клянусь, я не имею к этому никакого отношения!

– На что вы намекаете? – зам был удивлен не меньше Топырина. – Попрошу вас объяснить более конкретно.

– Александр Хван был убит прошлой ночью. Тело его найдено в районе поселка Шевлягино, который не далее полутора часов назад посетил господин Топырин.

Сказав это, Гуров внимательно следил за реакцией зама. В первую минуту тот совершенно никак не отреагировал. Даже начал говорить что-то типа «с этим вопросом не ко мне», потом оборвал сам себя, лицо его застыло неестественной маской. Он откинулся на спинку стула, ослабил узел галстука и сделал несколько судорожных вздохов. Только после этого смог снова заговорить:

– Хотите сказать, новая жертва Подмосковного маньяка наш Саша? Но почему вы решили, что это он? Есть какие-то доказательства? Зиновий только что утверждал, что имя жертвы полиции неизвестно.

– Мы не вправе раскрывать журналистам всю информацию, – ответил Гуров. – На самом деле доказательств того, что на месте происшествия обнаружен Александр Хван, предостаточно и без опознания.

– Что вы имеете в виду?

– Документы Хвана, его машина были найдены в Шевлягино, – ответил Гуров. – В связи с этим повторяю свой вопрос: когда вы в последний раз видели главного редактора?

– Мы не виделись со вчерашнего обеда, – начал Маренин. – Вчера мы, как обычно, вместе обедали. Это кафе за углом, там уютно и еда приличная. После обеда я поехал на встречу с одним из потенциальных спонсоров – Саша собирался запустить новый проект, на это требовались деньги. Он же вернулся в редакцию, и больше я его не видел.

– А телефонные разговоры? Возможно, он звонил вам уже после обеда?

– Нет, больше мы не общались.

– И он не сообщил о странном письме, которое доставил курьер?

– Впервые слышу. – Голос зама звучал искренне. – Думаете, убийца послал ему письмо? Тогда нужно спросить Милочку, пусть поищет письмо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.